

84РБК
0-23

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 1 2016 г.

Кемерово
Офсет
2016

12+

мел. 7-38 45
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия. пред. выдач. _____

149-19/1

МБ

84Р6к
О-23

«ОБРАЗ» литературный альманах №1(9) 2016г.

99331(1)

Кемерово
Офсет
2016

ПОЖЕРТВОВАНИЕ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК "ЦБС им. Н.К.Крупской"

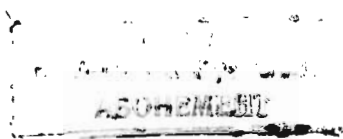
Содержание:

Поэзия

Валерия Литвиненко	27
Марина Федосеева.....	33
Дарья Верясова	36
Вера Кузьмина	57
Сергей Логинов	63
Андрей Пермяков	68
Татьяна Кравченко	78
Татьяна Тарковская	82

Проза

Юлия Лавряшина	3
Михаил Тарковский	39
Анастасия Устинова.....	73

Лавряшина Юлия Александровна. Автор более 30 книг прозы и сборника стихотворений, ряда киносценариев и пьес.

Член Союза писателей России с 1995 года. Родилась 3 мая 1965 года в городе Кемерово. Окончила Кемеровский государственный институт культуры, библиотечный факультет. Замужем, трое детей. В настоящее время живет в городе Королёв

Юлия Лавряшина
г. Королёв

Рыцарь в змеиной коже

Глава 1

В поисках выхода

Мальчик был заперт в башне. Она была настолько высокой, что с земли казалось, будто флюгер-флажок на её макушке вертит облака. И Лей сейчас всё отдал бы за то, чтоб его посадили в темницу под самой крышей, где имелось единственное крошечное окошко, едва различимое снизу. Тогда он видел бы косые лучи солнца и быстрые тени птиц, слышал бы голос ветра, а, может, даже журчащий голос реки, извивавшейся у подножья башни серебристой змейкой. Было бы чему улыбнуться...

Но мальчика бросили в подвал, куда ни солнце, ни звуки жизни не проникали. Даже крысы не забредали сюда и не скреблись по углам. Даже пауки избегали этого гнилого места. Здесь царил сырой, отвратительный запах, от которого мутило, как и от пищи, приносимой стражниками. Их лиц он не видел: жестяную миску швыряли в узкую щель, проделанную в массивной двери.

Через эту щель сочился тусклый свет из коридора, но разглядеть хоть что-то было невозможно — она находилась слишком высоко, мальчику не хватало роста. И не на что было встать, пытаясь выглянуть наружу. Оставалось радоваться тому, что дважды в день ему просовывают миску с кашей. Он привставал на цыпочки, принимая её. Даже ложки Лею никто не давал, и ему приходилось есть тошнотворное месиво руками. Не удивительно, что у него постоянно болел живот.

Но всё же это не помешало мальчику в первый же день обшарить все уголки в поисках хотя бы маленького отверстия в стене или полу, которое, если копать годами, можно превратить в подземный ход. И сбежать! Правда, сама мысль о том, что он успеет вырасти, пока пытается вырваться на волю, была просто кошмарной. И Лей в ужасе отмахивался от неё руками, как от живого чудища или призрака, которого живым не назовёшь, но страшно от этого не меньше.

— Я выберусь, — бормотал он, боясь забыть звук своего голоса. — Я не собираюсь оставаться тут навечно! Я не крот-обормот, чтобы жить под землёй.

Однако подходящей дырки так и не нашлось. Камни, из которых его предки сложили башню, были подогнаны крепко. Изю дня в день мальчик проверял каждый, пытаясь найти тот, что закреплён, как попало. Ведь даже среди самых трудолюбивых людей должен был оказаться хотя бы один лентяй, положившийся на «авось». Пальцы у Лея уже ныли от бесплотных усилий, а башня так и не дала слабину.

Вот тогда его и накрыло отчаяние. Раньше мальчик не был знаком с этим чувством. Ведь даже, если голодал, всегда находил кусок на прилавке торговца, который лежал без присмотра. Он, конечно, знал, что воровать — грешно, и рано или поздно, Бог накажет за это, но очень уж тоскливо становилось в желудке, когда в доме кончалась еда, а родителям не на что было купить припасов. На работу Лея

никто не брал, ведь хотя ему было уже тринадцать, выглядел он на десять, и городские лавочники только смеялись, когда он просился к ним в помощники.

— От тебя помощи, как от козла молока, — точно сговорившись, повторяли они один за другим, и Лей уже ненавидел этого козла, с которым его почему-то сравнивали.

— А у тебя ума, как перьев у сома, — огрызался мальчик, но вполголоса, чтобы не получить пендаля от торговца, скорого на расправу.

Сейчас, лёжа на склизком земляном полу, Лей размышлял о том, почему жизнь обошлась с ним так несправедливо. Родись он в семье зажиточного купца, гулял бы сейчас по цветущему саду, любуясь зелёным кружевом тонких ветвей. А дома его ждал бы горячий, вкусный обед, и красивые игрушки, каких у мальчика никогда не было. Его обули бы в мягкие башмаки, и ноги у него всегда оставались бы чистыми, а не как сейчас... Лей никак не мог смириться с чернотой под ногтями и на пятках, хотя с рожденья бегал босиком.

— Ишь, принц какой, — насмешничал старший брат Пок, замечая, как он щепкой выковыривает грязь. — Может, мамка тебя на большой дороге нашла? Из королевской кареты выпал?

— Ты — глупый Пок-пупок! — вспыхивал Лей. — Она не мамка, а мама. Запомни уже!

С таким пренебрежительным отношением к женщине, давшей им жизнь, он не мог согласиться. Конечно, их мать была обычной прачкой, изнурённой тяжёлой работой, рано постаревшей и необразованной, но когда красная, распухшая рука осторожно касалась его светлых волос, Лей замирал от нежности.

И ещё однажды мама подарила ему книжку, которая называлась «Азбукой». Бог весть, где раздобыла её неграмотная прачка, но это изменило жизнь сына. Одного из её сыновей. Лей старался не задумываться о том, почему

книга досталась именно ему, но гордился этим. С ней мальчик отправился к соседу-портному, который назвал все буквы и научил складывать их в слоги. За это Лей целый месяц разносил готовую одежду заказчикам портного. На бегу он читал вывески и не мог нарадоваться тому, что с каждым днём это получается всё ловчее.

— Больно много ты о себе воображаешь! — так и взвился Пок, уличив Лея в грамотности. — Трое братьев у меня и две сестры, а нос задираешь ты один. Как не родной прямо!

На это ответить было нечего. Лей и сам частенько ощущал себя чужим в своей семье. Как будто ему был предначертан иной путь, а он заплутал однажды, и с тех пор никак не мог вернуться в свою реальность.

Хотя Лей ничего не знал, кроме бедности, ему так и не удалось привыкнуть к ней. Ходить в обносках старшего брата, засыпать с пустотой в животе, и не надеяться на то, что завтрашний день улыбнётся надеждой, — всё это приводило мальчика в отчаяние. Сколько раз он твердил, зажмурившись покрепче (чтобы сбылось!): «Я вырвусь из нищеты!» Любым способом, какой только придёт в голову. Ведь всё годилось для того, чтобы освободить мать от корыта с чужими тряпками, а отца от работы в руднике, отнимавшей здоровье. От его надрывного кашля ночами невозможно было уснуть. Лей ворочался в своём углу, чувствуя, как у самого начинает болеть в груди.

— Если мне удастся разбогатеть, я вылечу его! — шептал он, накрывшись с головой драным отцовским пиджаком, заменявшим мальчику одеяло. — А всех братьев и сестёр отправлю в школу, чтобы им не пришлось также мучиться всю жизнь. Даже этому дураку Поку помогу. Не знаю как — но помогу.

И однажды Лея осенило: надо уйти в разбойники. У него есть друзья с улиц города, готовые на что угодно, с ними будет весело! А в их семье всем живётся безрадостно... Раз уж старший брат считает, будто его, Лея,

нашли на большой дороге, значит, там ему и место. Почему бы не стать новым Робинот Гудом, и отбиратъ у богатых всё, что те силой отняли у бедных? Таких, как родители Лей и их соседи.

О том, чем тогда он будет лучше ненавистных ему грабителей, в тот момент Лей не задумался...

Глава 2

Нежданная гостя

Его разбудил звук. В первый момент Лей даже не сообразил, что именно расслышал сквозь сон. Мальчик не мог понять, сколько уже провёл в этом мрачном подвале — то ли месяц, то ли год... И за это время слышал только шаги стражников и скрежет отпираемой створки на окошке, в которое подавали и забирали миску. А этот звук был из оставшихся на воле. Лей тосковал по свежему воздуху и высокому небу с такой силой, что тихонько выли ногами, как запертый в клетку волчонок. И клялся никогда больше не нарушать установленных правил, лишь бы снова не оказаться в тюрьме. Теперь он точно знал: даже самый весомый слиток золота не может сравниться в блеске с солнечным светом...

У него хватило выдержки не вскочить сразу, как пробудился его слух, и только чуть-чуть приоткрыть глаза. Сперва ничего разглядеть не удалось, но потом мальчику показалось, будто в противоположном углу камеры что-то шевельнулось. И снова раздался шорох — вот, что это был за звук!

«Крыса?» — немало удивился он, ведь подходящего лаза для неё в стенах не было. Или просто ему не удалось отыскать? Нет, мелькнувшее во тьме существо, было поменьше крысы. Или этот грызун сильно отощал... Лей заставлял себя не двигаться и ровно дышать, лишь бы не спугнуть гостя, и разглядеть его как следует. Может,

удастся заметить, куда тот нырнёт, и раскопать отверстие до такой степени, чтобы пролезть в него самому?

Рассмотреть, кто же там копошится во тьме, никак не удавалось. А существо не спешило приблизиться, хотя почему-то Лей был уверен, что оно отлично видит его. Или чувствует... Тогда ему уже пора было понять – от мальчика не исходит угрозы. Лей не собирался ни убивать пришедшего к нему, ни ловить его.

И он решился. Не шевелясь, спросил одними губами:

– Кто ты? Я не обижу тебя. Только не уходи. И не бойся.

– И не собираюсь, – прошелестело в ответ. – Я пришла к тебе.

Что-то узкое, проворное скользнуло из угла в угол, и Лей подскочил от страха: змея! Она тотчас замерла, уткнувшись в плотную волну его страха.

– И кто же из нас боится? – раздалось насмешливое.

– Да ты же гадюка! – воскликнул Лей, разглядев тёмный зигзаг вдоль спины, когда змея оказалась в мутной полоске света, сочившейся из щели в двери.

Его точно пронзило этой угрожающей молнией, и ладони мгновенно вспотели от страха. В ответ раздалось то ли фыркание, то ли шипение:

– Поразил! А то я не знаю, что я – гадюка.

На всякий случай он подобрал ноги:

– Укусишь?

– Враг я себе, что ли, – невымытые ноги кусать?

Даже не подумав обидеться, мальчик спохватился:

– А почему ты говоришь по-человечески?! Ведь ты же змея?

– А почему ты решил, что я говорю по-человечески?

– Но я же тебя понимаю!

– И я тебя понимаю, дружок.

Лей помотал головой, пытаясь разобраться:

— Хочешь сказать, что это я... Нет! Но этого же не может быть.

Крошечные глазки загадочным образом блеснули в темноте:

— Одиночество многим идёт на пользу. Оно затем и даётся человеку, чтобы он открыл в себе нечто новое. И не только человеку.

Лей уважительно протянул:

— А не зря про змей говорят, что они мудрые... Это ты сама до такого додумалась?

— Нет, твою ценную мысль украла! — съязвила она.

«Всё-таки она — настоящая гадюка», — мальчик потёр нос, чтобы змея не заметила его ухмылки. И сообразил, что ещё показалось ему странным.

— А я всегда считал змей глухими!

— А я никогда не разговаривала с мальчишками, — парировала гадюка.

— Значит, это неправда?

Она помолчала:

— Что — правда? Что — неправда? Сейчас ты в состоянии разобрать? Может, мы просто приснились друг другу? И вовсе не произносим слова, а обмениваемся мыслями? Вдруг с нами обоими происходит что-то колдовское?

— А ты умеешь колдовать? — ухватился Лей. — Может, наколдуешь, чтобы я выбрался отсюда? Я... я...

У него перехватило горло. Но змея не торопила, и мальчик сумел выдать:

— Я правда больше не могу здесь... Не могу...

— А почему ты здесь? — невозмутимо поинтересовалась она, не выразив ни малейших признаков жалости к нему.

Впервые Лею стало стыдно самой мысли о том, что он сделал. Хотя было абсолютно ясно: гадюке чуждо желание, как сострадать, так и укорять его. Вымолвить удалось не сразу:

– Я... Ограбил одного купца.

– Неужели? Прости за откровенность, но ты выглядишь маленьким мальчиком... Или этот купец был карликом?

– Нет, он был здоровым толстяком. Но я был не один.

– А-а, – с пониманием протянула гадюка.

И хотя она ничего к этому не добавило, щёки Лея так и запылали. Даже во тьме он теперь ясно видел, как это подлю – нападать толпой на незащитного человека. Конечно, они все были детьми, в сравнении с ним, но у них в руках оказались ножи и даже топоры. А купец был слишком толстым и неповоротливым, чтобы сопротивляться голыми руками. В тот момент Лей ненавидел его сальным двойным подбородком, как будто именно этот обжора отбирал куски у его младших братьев и сестёр. А, может, так оно и было, но сейчас уже это не казалось неоспоримым. Как и удовольствие быть разбойником... Хотя жизнь на большой дороге поначалу представлялась Лею весёлой и беззаботной! Но веселье разлетелось вдребезги, когда он встретился с торговцем взглядом...

– Я виноват, – прошептал мальчик.

Его так и корёжило от раскаяния, и не было смысла скрывать это от змеи, которая видела во мраке, куда лучше, чем он. Лею показалось, будто она кивнула.

– Конечно, ты виноват. Но разве ты понял бы это, если б тебя не заперли в этой башне?

На мгновенье он растерялся:

– Н-не знаю... Может, и нет. Наверное, нет.

– Наверняка - нет! - заявила гадюка уверенно. – Ты считал бы себя героем с большой дороги!

– Откуда ты знаешь про большую...

– И повторял бы свои сомнительные подвиги снова и снова, пока тебя не посадили бы в подвал. Тьма способствует прозрению. Как ни странно...

У него вдруг вырвался всхлип:

— Да! Я — плохой. Я не должен был забирать чужое! Так нельзя. Но наша семья голодала... Я искал работу! И не нашёл. Меня никто не брал.

— Ты искал лёгкую работу, — равнодушно заметила гадюка. — Верно? Хотел помогать торговать в лавке или что-нибудь вроде этого?

Лей так и опешил:

— Откуда ты знаешь?

Мальчика уже мучило от отвращения к себе, и Лей боялся, как бы его не стошнило прямо на змею. А та всё не унималась:

— Чем зарабатывает на хлеб твоя мать, дружок?

— Она... Она — прачка.

— Думаешь, ей приятно возиться в чужом грязном белье? Но тебе и в голову не пришло помочь ей стирать!

Ему так отчётливо увиделась мыльная вода, в которой местили бельё красные руки его матери, и почудился острый запах грязной одежды, что перед глазами мальчика всё поплыло. И мрак опять утянул его.

Глава 3

Знаки судьбы

Когда он снова пришёл в себя, никакой змеи не было. И Лей ничуть не удивился этому. Разве на самом деле бывают говорящие гадюки?

— Чумной сон, — пробормотал он, растирая лицо, чтобы поскорее прийти в себя.

Но вот, что странно: острый стыд, испытанный им во сне, не рассеялся, а так и застрял в душе занозой. Было непонятно, где он там торчит, но с ним было трудно даже дышать. А ведь Лею казалось, что будет так весело грабить проезжих толстосумов! Собрав толпу таких же полуголодных мальчишек с их окраины, он велел каждому

стащить где-нибудь нож, чтобы они производили угрожающее впечатление. Конечно, никто из них не собирался пускать оружие в ход, оно требовалось только для устрашения. Поэтому Лей и не стыдился задуманного: убийство – страшный грех, это он знал твёрдо, и никогда на такое не пошёл бы. А вернуть себе то, что у тебя же украли – что в этом преступного?

С этой мыслью он и вывел свою банду к большой дороге. Они спрятались в придорожных кустах и стали поджидать жертву. Все немножко нервничали и потому разговаривали громче обычного и смеялись слишком звонко. Но Лей всё предусмотрел: чтобы их не заслышали издали, он велел младшему из мальчиков, шустрому Кошу забраться на высокую сосну и следить за дорогой.

– Едет! – крикнул тот, когда они просидели в засаде уже не меньше часа. Не особенно оживлённой оказалась эта большая дорога.

Все разом угомонились, и лица сделались угрюмыми. Всё-таки в душе каждого копошились, если не сомнения, то страх.

– Подпустим, как можно ближе, – скомандовал Лей полголоса. – Если там несколько человек, пусть себе катятся дальше. Нападаем лишь на одиночек. Всем ясно? И держите ваши ножи при себе. Мы должны только напугать его, как следует. Он сам отдаст свои пожитки, вот увидите. Богатей трусливее детей!

Так и вышло. Купец без сопротивления вручил им толстый кошель, и узел с товаром. Но в другом Лею повезло меньше... Купец узнал его. Уж непонятно почему, но тот запомнил мальчугана, приносившего выстиранное бельё, и прямоком с большой дороги направился в полицию. За Леем пришли тем же вечером.

...А вот гадюка больше не появлялась. Засыпая, Лей просил Бога простить ему совершённое злодеяние, и если невозможно выпустить его на свободу, то хотя бы сделать так, чтобы змея опять приснилась ему. И поговорила с ним.

Пусть даже она вновь начнёт упрекать его! Он заслужил это. Всё лучше, чем мёртвая тишина, в которой начинаешь и себя ощущать неживым.

Но сны проскальзывали неразличимыми бесцветными пятнами. Однажды ему, правда, привиделся воздушный змей, которого они запускали с отцом на берегу речки, тоже походившей на вертящую змейку. И, проснувшись, мальчик подумал, что все эти змеи, наверное, были знаками. Судьба давала ему понять: однажды в его жизни появится особая змея.

— Да ведь её же не было! — спохватился Лей. — Она же только приснилась мне.

— Кто это тебе приснился, дружок? — внезапно раздался уже знакомый голосок. — Уж не мной ли ты презишь, скажи на милость?

Подпрыгнув, мальчик на коленках пополз ей навстречу. Гадюка настороженно замерла, и тут Лей вспомнил, что нельзя совершать резких движений, если находишься рядом с ядовитой змеей. Отец говорил ему, что гадюки не нападают первыми, но если им почудится, будто человек угрожает их жизни, цапнут так, что мало не покажется. А здесь и яд из ранки некому отсосать. Не на охранников же надеяться!

Он медленно сел в трёх шагах от змеи и улыбнулся.

— Так ты существуешь...

— Хорошенькое дело! — отозвалась она с презрением.

— Существую ли я? Можешь поверить мне на слово. Трогать не стоит.

— Я не буду! — испуганно заверил Лей. — Давай просто поговорим. Я уже сто лет ни с кем не разговаривал. Ненадолго задумавшись, гадюка возразила:

— Пожалуй, всего-то месяцев семь. Сейчас май.

— Май?! — ужаснулся он. — Меня заперли здесь в октябре!

Будто ворох кленовых листьев подкинули: перед глазами мелькнуло солнечное разноцветье, смеющиеся

физиономии приятелей, которых Лей не выдал полиции... Он и сам забавлялся от души: не надо гнуть спину, надрывать живот, чтобы заработать копейку! Стоит блеснуть на солнце лезвию, и тугой кошель уже у тебя в кармане. Так легко и просто! Неужели он и вправду так думал всего несколько месяцев назад?

Почудилось, будто змея усмехнулась:

— Засиделся ты, однако. Пора бы и прогуляться.

У него так и зашло сердце:

— Ты знаешь ход?!

— Тебе он вряд ли покажется подходящим...

Мальчику уже не сиделось на месте:

— Да я на всё согласен! И по грязи проползу, и по слизи... Лишь бы вырваться отсюда!

— В том-то и дело, что не проползёшь, - озабоченно заметила змея. — Таким, каков ты сейчас — ни за что. Известное мне отверстие слишком узкое, в него может просочиться только змея. Ты согласен?

Он растерянно заморгал:

— На что? Я не понял.

— Превратиться в змею, конечно! — отозвалась она раздражённо. — Какой ты, право, непонятливый!

У Лея сама собой отвисла нижняя челюсть. Несколько минут он молча смотрел на змею, пытаясь понять: зачем та издевается над ним? Ему и без того скверно на душе — хуже не придумаешь! Впрочем, чего ещё можно ожидать от гадюки?

Она нетерпеливо шевельнулась:

— Так ты решился, дружок?

— Превратиться в змею? — усмехнулся Лей, решив подыграть ей. — В гадюку? Конечно, почему бы и нет!

— О-о! Вот на это не рассчитывай, - протянула она.

— Даже не мечтай, чтобы я превратила тебя в своего сородича. Максимум — в ужа. Вот всё, на что ты можешь рассчитывать. Ты и человеком-то был опасен, тебе не стоит доверять запас яда.

Он рассмеялся:

— Ну, в ужа, так в ужа. Хотя не так я был и опасен, придумала тоже! Тот грабёж... Это была глупость. Страшная глупость. Я никогда больше так не поступлю.

— Надеюсь, нет, — медленно молвила змея. — Правда нет!

Лей опустил голову, боясь, что не скажет главного, глядя ей в глаза:

— Хочешь верь — хочешь нет, а мне всё время видится его взгляд. Этого купца. Я такой страх видел только однажды, когда коня на бойню вели. А он всё понимал, и весь дрожал от ужаса. Всем телом, понимаешь? Я не смог тому коню в глаза смотреть, убежал. И проревел весь день... А потом у купца этот взгляд увидел. И себя почувствовал таким же палачом, как тот хозяин, что своего коня вёл на смерть. Мне ещё в тот момент до того страшно стало! самого себя страшно. Что я, оказывается, могу таким быть... Не знаю, почему я не убежал. Ноги приросли будто. Я их не чувствовал совсем.

— А знаешь почему? — неожиданно спросила змея. — Они тебе не нужны, дружок!

И мальчик почувствовал, как в его лодыжку впились два ядовитых зуба.

«Настоящая гадюка!» — вскрикнул он без голоса и оцепенел от ужаса.

Глава 4

Новые ощущения

Даже когда год назад болел холерой, он не чувствовал себя так скверно. Всё его тело ломало, и суставы выкручивало столь нещадно, что в глазах у мальчика потемнело. Лей хватал воздух, чувствуя, как остро стучит в голове мысль: «Я умираю!»

И всё же он не умер. Лей понял это, когда боль утихла, а зловонные запахи подвала едва не взорвали голову, точно стали в десять раз острее, пока мальчик был в беспамятстве. В туманной мгле проступили знакомые стены камеры. Сколько его организм боролся с ядом, и каким чудом удалось одержать победу – мальчик не знал. И если честно, ответы не особенно интересовали его. Он выжил – вот, что было главным!

Лей скосил глаз, пытаясь понять – здесь ли ещё гадюка, цапнувшая его. Тишина кругом была именно та, которую называют мёртвой. Да и виделось всё вокруг до того мутно, будто мальчик утратил ясность зрения.

«Наверное, яд так действует, – испугался он. – Чёртова гадюка! Ещё ослепну из-за неё...»

– Мы видим не так хорошо, как люди, – вдруг услышал Лей её голос где-то внутри собственной головы. – Но ты не огорчайся, дружок! Взамен нам дано прекрасное обоняние.

Мальчик хотел вскочить на ноги, ведь боль уже не придавливала его к грязному полу, но из этого ничего не вышло. Попытавшись упереться руками, Лей дёрнулся всем телом, и тут понял: рук нету! Он завопил во весь голос, но вместо крика вырвалось позорное шипение.

– Ну, что ты извиваешься, дурачок? Ах, ты, наверное, не понял? Или не поверил мне? Ты стал змеей, Лей. Точнее, змеем. Ужом. Неплохо получился, между прочим! Вот и пятнышки на голове...

– Почему ты говоришь у меня в голове?!

– У змей нет ушей, ты ведь это знал. Мы не слышим окружающих звуков, но чутко улавливаем вибрации. Ты научись этому. А друг с другом мы общаемся на более тонком уровне, чем люди.

– То есть... Я – не человек больше?!

Гадюка выползла из тьмы и уставилась прямо на него:

— Постой, разве ты не дал согласия на это? Может, я неправильно поняла? Я была уверена, что ты готов на всё, лишь бы сбежать отсюда.

«Я — уж? Я — змея?! Но этого же... не может... Как это произошло?» — Лей вертелся, как ужаленный, пытаясь рассмотреть себя. И не мог поверить, что узкий, извивающийся чехольчик, набитый непонятно чем, и есть его новое тело.

Не мешая этим попыткам самопознания, гадюка наблюдала за ним терпеливо, как любящая мать. Лей понятия не имел, как у змей определяется возраст, но внезапно открывшееся чутьё подсказывало ему, что она куда старше. Может, поэтому и мудрее. Хотя даже недолгий опыт человеческой жизни доказал, что с возрастом люди умнеют далеко не всегда.

Лей сдался первым.

— Всё ясно, — выдохнул он.

И опять испугался собственного шипения. Ему-то по-прежнему казалось, будто он говорит человеческим языком. Кстати, язык его вёл себя совершенно непозволительно! То и дело он выскакивал изо рта и быстро трепыхался, словно ощупывал воздух.

— Совершенно верно, — угадала гадюка его мысль. — Язык помогает змеям улавливать запахи. Ты вовсе не облизываешься сейчас, ты нюхаешь.

— Что тут нюхать? — удивился Лей. — Сплошная вонь кругом... Или, может, змеям она нравится? Мне что-то нет пока!

Хотя физиономия её не изменилась, ему показалось, будто змея улыбается:

— О, нет! Не думай, что мы наслаждаемся подобным амбре... Всё это лишь для того, чтобы лучше ориентироваться в пространстве. Каждый след имеет свой запах. Когда ты научишься различать их, то начнёшь понимать, кто прошёл этой тропой незадолго до тебя. И кто приближается с другой стороны. Всё это не пустое

любопытство, дружок. Такие способности не раз уберегут твою жизнь, вот увидишь!

— А как... Ну, это... Ползать? Передвигаться?

— О, это очень легко! — обрадовалась она. — Главное, не задумывайся, как это делать. Отвлекись и ползи за мной.

И гадюка легко скользнула в тёмный угол, призывая следовать за ней. Не зная точно, где сейчас находится его сердце, и есть ли вообще этот орган у змеи, Лей ощутил, как оно ёкнуло и замерло.

«Неужто у меня не получится даже такая ерунда? — испугался он. — Что я вообще умею? Даже заработать сам не смог — чужое отобрал... Человеком толком не сумел быть. Вдруг и ужом не получится?»

Последняя мысль так разозлила его, что Лей рванулся за гадюкой и, к своему удивлению, пополз очень ловко и быстро.

— Ура! — возликовал он. — Смотри, я ползу!

Но она не поделила его восторга и лишь прошипела на ходу:

— Не мешкай. Приближается время ужина. Если стражники придут раньше, чем мы скроемся, нам несдобровать.

— А далеко ещё? — испугался Лей.

— Ты лучше меня знаешь эту камеру! Что здесь может быть — далеко?

Ему стало смешно: надо же было спросить такое об этой коморке! Метнувшись в угол, гадюка указала кончиком хвоста на торчащий между камнями пучок травы. Лей признал, что жест вышел по-королевски изящным. Правда, ему никогда не доводилось видеть королеву...

— Вот наш тайный ход.

— А мы пролезем? — спросил он с опаской.

— А как я, по-твоему, проникла сюда? Если я пролезла, то и тебе не составит труда. Хотя ты и длиннее меня, но не шире. Отощал за последние месяцы.

Лей даже обрадовался:

– Я – длиннее? Правда?

В ответ раздалось снисходительное:

– Пора бы знать, что ужи всегда длиннее гадюк. Хотя это не делает их значительнее.

– Конечно, конечно, – охотно согласился он, в тайне чувствуя своё превосходство.

Правда, у гадюки всё ещё оставался смертельный яд в зубах, но Лею не верилось, что она станет кусать ужа. Какой-никакой, а всё же родственник. Он слышал рассказы о некоторых горожанах, которые даже путали гадюку с ужом. И расплачивались за это...

– За мной, – бодро скомандовала она и юркнула в прикрытое травой отверстие.

– Ну, ладно, – по человеческой привычке Лей набрал воздуха прежде, чем сделать решительный шаг.

Оглядывать ненавистную темницу даже напоследок, ему нисколько не хотелось.

Глава 5

За что любят ужей?

– Куда мы ползём? – послал вопрос Лей, когда они покинули камеру, и самое страшное осталось позади.

Подземный ход был настолько узким, что вряд ли кто-нибудь крупнее ужа мог тут пробраться. Может, его и прорыла какая-нибудь рабочая змея?

– Мы – не муравьи, – высокомерно отозвалась гадюка. – У нас нет ни правителей, ни рабов. Каждая змея царица.

– И я тоже? – изумился Лей. – Царь... Свечусь, как янтарь.

Она осадила:

— По большей части это относится к ядовитым змеям. Не обижайся, но ужи, на мой взгляд, это нечто среднее между змеей и ящерицей.

Хотя Лей ещё не привык считать себя настоящей змеей, всё же эти слова задели его.

— Подумаешь! — отозвался он, не придумав сходу ничего более язвительного.

— Зато вас любят люди, дружок, — утешила гадюка. — Ведь ужи, вроде дрессированных тигров: вроде, и змеи, а вреда не причинят. Некоторые доходят до того, что заводят ужей дома и кормят их молоком из блюдечка, точно кошек.

Ему сразу вспомнилось, как старый сосед, который плёл корзины, однажды обнаружил в пучке лозы живого ужа. Старику показалось, что змейка больна, ведь уж даже не попытался убежать. Несколько дней сосед выхаживал непрошенного гостя: устроил ему мягкое гнёздышко на крыше, куда прямиком светили солнечные лучи, и приносил туда блюдечко с молоком. А однажды обнаружил, что змея исчезла. Лею тогда стало обидно за доброго старика: уж даже не простился с ним! Хотя глупо ждать благодарности от настоящей змеи. Однако сосед только посмеивался от радости:

— Значит, ожил ужака! Не зря я старался. Вернул змеюку к жизни. Уж — он ничего, он — хороший...

Лей только кивал, слушая его. Не ждёт дед благодарности, значит, не ради неё и старался. Не каждый так умеет — не за «спасибо» делать добро. Ему стало приятно, что по соседству живёт хороший человек.

— Да, поди, аист ужа утащил, — хмыкнул Пок, когда брат поделился с ним новостью. — Вон кружат черти... Сожрал и не подавился.

— Только попробуй сказать это старику! — взвился Лей.

— Да мне-то что... Пусть себе думает, что хочет. Поку было наплевать на всё, это знал каждый в семье. Лишь бы его лишний раз не трогали. Ему просто лень было

сделать двадцать шагов, чтобы сказать гадость. И старик не услышал догадок про голодного аиста. Лей это понял потому, что на крыльце соседского дома то и дело появлялось блюдечко с молоком...

Гадюки он спросил:

— Но вы же никогда не нападаете на людей первыми, так? За что же они вас не любят?

— Людям очень не хочется признавать свою агрессивность. Они бросаются на змей с палками, и мы вынуждены защищаться единственным доступным способом. А потом люди жалуются, что их укусили, и объявляют нас хищниками. Хотя мы не питаемся человечиною, нам нет смысла набрасываться на вас.

— Несправедливо получается...

— О, в жизни много несправедливого, дружок.

Лей почувствовал, что краснеет, хотя вряд ли можно заметить со стороны, когда змея смущена.

— Я сам поступал несправедливо...

— Вот видишь! Хотя я вовсе не тебя имела ввиду.

Сжалившись, она решила сменить тему:

— Ты спрашивал, куда ведёт этот ход? Пора тебе узнать, что под землёй проложено много подобных очень узких ходов, похожих на сосуды в теле человека.

Гадюка умолкла на миг, потом уточнила:

— Тебе известно, дружок, что такое сосуды?

— Да, я читал одну книжку про...

— Ты много читал? — радостно перебила змея.

— Да! Больше всего на свете я люблю читать! Я брал книжки у одной соседки — бывшей учительницы. У неё такая библиотека!

Почувствовалось, что она испытала облегчение:

— Тогда нам гораздо проще будет общаться! Трудно ожидать от малолетнего разбойника из бедной семьи, что он любит читать. Жаль, ты не прочёл ни одной книжки о том, как плохо отнимать чужое.

Ему опять стало стыдно до того, что захотелось свернуться клубком и спрятать голову под хвост. Но проход был слишком узким.

— Я читал и такие книжки...

— Но решил, что в жизни всё не так? — догадалась змея. — Да, я уже слышала подобные рассуждения, дружок. Надеюсь, со временем ты поймёшь: книги для того и пишутся, чтобы люди учились на ошибках героев этих историй, а не совершали свои собственные.

Лей кивнул, хотя гадюка ползла впереди и не могла этого видеть. Но она уловила движение его головы:

— Киваешь? Что ж, если ты — умный мальчик, то подумаешь хорошенько над этой мыслью.

— А что там с сосудами земли? — попытался Лей уйти от болезненного разговора. — Про них ещё кто-нибудь знает, кроме тебя?

Почудилось, будто змея усмехнулась. Но всё же ответила вполне серьёзно:

— Многие пользовались этими ходами, но каждый держит это в секрете. Ведь они ведут в разные миры. Что будет, если люди начнут шляться туда-сюда между мирами?! Некоторые называют их параллельными, хотя это не совсем так. Кое-где эти миры пересекаются.

Лей удивился:

— Никогда не слышал ни о каких параллельных мирах! — Не в твоём времени...

— То есть?! Мы можем попасть отсюда и в другое время? Нет, правда? В другой век, да?

В ответе гадюки прозвучала задумчивость:

— Надеюсь, что именно туда мы сейчас и попадём. Беда в том, что никогда заранее не знаешь, где окажешься.

У Лея даже дух перехватило от её слов: его ждут настоящие приключения!

Глава 6

Небесный хор

Только когда они выбрались на поверхность, где мир выглядел точно таким же, как у них, Лей рассмотрел: какая же змея красивая! Хоть и гадюка... Золотистая, а не бурая, как ему померещилось под землёй. И чёрный зигзаг такой чёткий, как будто нарисован тушью. Дядя Лея был писарем при ратуше, и мальчик много раз видел, как тот выводит красивые, графические узоры.

— А как тебя зовут? — опомнился он. — У тебя же есть имя?

Есть, — отозвалась змея без особой охоты.

Когда взгляды их встретились, Лей увидел, что чарочки у неё вытянуты вертикально, как у кошки. Смотреть в эти глаза было страшно, но оторваться — трудно.

— И можно мне узнать его?

Было похоже, что гадюка вздохнула:

— Наверное, и впрямь пора представиться... Меня зовут Ния.

— Похоже на человеческое имя, — заметил Лей. — Я думал, змей называют как-то по-другому. Знаешь, а ты очень красивая!

Теперь он понимал, как улыбаются змеи, когда им дарят радость, и улыбнулся ей в ответ. Их окружали густые, колдовские ароматы, каких Лей никогда не знал, пока был мальчиком. Наверное, природа дарит их змеям взамен отнятого слуха.

Ния застенчиво призналась:

— Знаю, конечно. Но то, как ты это сказал... Это прозвучало особенно. Я как будто услышала такое впервые. А хочешь, я тебе подарю звук, которого ты никогда не слышал?

— Но что я могу услышать сейчас? Змеи ведь лишены слуха.

— Именно потому ты и услышишь! Люди на это не способны.

И привстав на хвосте, Ния качнула голубой колокольчик, едва народившийся на свет. Лепестки его затрепетали, и Лей услышал нежный, прозрачный звон. От неожиданности он так и оцепенел, выпучив глаза. А Ния, между тем, качнула соседний цветок, и ещё один... И целый небесный хор запел возле самой земли, заставив Лея затаить дыхание.

Когда голоса цветов затихли, он сумел собрать мысли:

— Что это было? Неужели в цветах живёт музыка?! И ни один человек этого не знает... Как обидно.

Ния усмехнулась:

— Быть змеей не так уж плохо, правда?

— Хорошо, что ты не добавила «дружок». Мне не нравится это слово. Можешь больше не говорить так? — попросил он.

— Надо было сказать раньше, я больше не обращалась бы к тебе так. Но почему тебе это неприятно?

Лей смешался:

— Ну... «Дружок» - это как-то снисходительно. Как будто ты взрослая, а я - ребёнок. Или это на самом деле так?

— О, возраст — это столь относительно, — уклончиво ответила Ния. — Хочешь, ещё чудес?

— Ты ещё спрашиваешь!

И она повела его сквозь травяные заросли, похожие на джунгли, о которых рассказывал Лею старый моряк, живший по соседству. В выбранном ею месте, Ния велела остановиться и посмотреть вверх. Лей поднял глаза и ахнул: всё небо было разрисовано светящимися серебристыми узорами, будто кто-то нанёс их на голубую гладь самой тоненькой кисточкой.

— Что это?!

– Обычная паутина. Да-да! Уверена, ты никогда не

видел небо сквозь её узоры.

– Никогда. Как красиво...

– Приятно, что ты умеешь ценить настоящую красоту. Иди за мной! Всё самое прекрасное только начинается.

У Лея взволнованно заколотилось сердце: «Как же красив наш мир! Неужели надо было превратиться в ужа, чтобы заметить это? Нет, я и раньше любил и смотреть на небо, и нюхать цветы. Но только с Нией я увидел, как это выглядит на самом деле!»

Заметив её хитрый взгляд, он вспомнил, что гадюка без труда читает его мысли, и смутился. Но она уже отвлекла его:

– Смотри!

И Лей увидел сухой разноцветный дождь. Кажется, он даже рассмеялся от радости, хотя потом с трудом мог припомнить, что вообще происходило с ними на том лугу. Точно они оба оказались в одном чудесном сне, который тает с рассветом. Но пока он длится, ощущение счастья испытываешь самое настоящее.

– Я счастлив! – это признание взорвалось в нём ликованием фейерверка. – Что это, Ния? Что это за чудо?

– Это летит пыльца. Обыкновенная пыльца. Весь мир – это чудо, Лей. Жаль, что люди многого не замечают.

– Теперь я этого не забуду, – заверил Лей.

Помедлив, Ния уточнила:

– Когда снова станешь человеком?

– Ну да. Я ведь им стану? – забеспокоился он.

– Конечно. Конечно, станешь, Лей. Не оставаться же змеей ради того, чтобы видеть такую красоту.

– Так я смогу любоваться ею и став человеком!

Ния вздохнула:

– Это вряд ли. Люди имеют обыкновение быстро забывать свои благие намерения.

– Благие намерения? – повторил он. – Что это значит?

– Всё, что они собирались сделать хорошего, – перевела гадюка. – Ты превратишься в мальчика, и снова начнёшь сбивать палкой живые колокольчики и ломать деревья. Все мальчишки ведут себя, как лютые враги этого мира.

Его даже скрутило от такого обвинения:

– Ни за что! Правда, Ния. Я ведь уже почувствовал себя частью этого... Ну, всего этого.

– Но остаться ею ты не согласен.

– То есть? Что ты имеешь в виду? Ты хочешь, чтобы я вечно был ужом?!

Но ответить Ния не успела.

Продолжение следует...

Литвиненко Валерия Александровна.
Родилась в 1995 году в г. Магнитогорске.
Сейчас проживает в г. Челябинске,
учится на факультете журналистики
Южно-Уральского Государственного
Университета.

С 2010 по 2013 годы занималась в
магнитогорском ЛИТО "Мечта", сейчас -
член творческой мастерской "Взлетная
полоса".

В 2013 году издала книгу "Прольется
дождь сухим вином", публиковалась в
альманахе "Чаша круговая". Лауреат
конкурса "Стилисты добра".

Валерия Литвиненко
г. Челябинск

Там не видать человека!

Звёздочки отблесков прошлого века
Вышиты чёрным сухим серебром.
Там за версту не видать человека,
Там ураганы идут напролом.

Там затуманены взоры потомка
На порыжевшую медь октября,
В руки – беспомощность, плуг и котомку...
Здравствуй, чужая, глухая заря!

Дети Байкала и дети свободы,
Дети бескрайней, бездонной земли
В поисках кладов, богатой породы
Сами себя сохранить не смогли!

Позаброшен в саду самокат,
И угасло беспечное лето...
Обнимаю на память закат —
Продаю вместе с горьким рассветом.

Для души оставляю росток —
Память горькую с привкусом мяты,
Со стихами забытый листок,
Пожелтевший, изрядно помятый...

Разожгу новой жизни пожар!
Разуверюсь в точнейших приметах...
Смотрит сверху пылающий шар
На моё повзрослевшее лето...

Ты учишь меня ходить,
Потом отбираешь дорогу.
И лишь родниковая нить
Приводит к родному порогу.

Ты даришь мне пригоршню дней,
Рассыпав их щедро по свету.
Но в сонме полных огней
Крадут их холодные ветры.

Собрав нити сна в ладонь
Я выткала сизое пламя,
Но этот бессильный огонь
Не реет.
Не греет.
Не манит.

Сияет оброненный грош
Осколком души на пороге...

Ты молод и счастлив ... Ну что ж
Тогда возврати мне дорогу!

Невозможно. Но — нескончаемо
Позабыв, — вспоминаю снова.
Нет, не смелая, не отчаянная —
Как слетевшее звонкое слово.

Я — снежинкой в ладони любимые
И последней в часах песчинкой!
Между фарсами и пантомимами
Снова сердце отдам в починку...

Проскользну я водою меж пальцами,
Разобьюсь о гневные скалы...
И под сенью душистой акации
Мне тебя, словно воздуха, мало!

Я рисую твой портрет
Поиюльно.
На безликий трафарет —
Струйки тюля,

На бесовскую печаль
Приозёрный
Я набрасываю шаль
Звёздных зёрен.

Бережёт меня твой страх
Глупых песен,
Бережёт в седых горах,
В лихолесье...

Дон Жуан хранил секрет
Донны Анны...
Я рисую твой портрет
Постоянно!

На рукавицах января
Искрится снег.
В ладонях – горькая заря,
Рябин красней...

Я сердцем вновь и вновь ловлю
Забытый сон.
Молюсь не богу – королю
Под праздный звон.

Сорвётся дождь сухим вином,
И воздух пьян.
А на тропе твоей давно
Растёт бурьян.
Седлаю черного коня
Да на ветру...
Я отберу тебя у дня,
Я отберу!

На блюде больного застывшего дня
Останется гроздь золотых виноградин.
И три вороных непослушных коня
Утонут в пурпурной рассветной прохладе.

И соткан из тучи спасательный круг
В сияющих зорях неверного солнца...

Добраться б до ласковых песен и рук,
До сердца, до мира – до самого донца!..

Я танцевала в пекле.
И я пела
Тебе
О гондольерах и кинжалах,
И жилки, как серебряные жала,
Тянулись из фарфоровой руки.

А у реки –
И речи, и ручьи
Тянули струны к обожжённым пальцам.
На языке порывистого танца
Меня тогда Сивиллой нарекли.

Спасала ночь.
И серая сирень,
И паутина скользкой лунной пудры.
Впивалась темень в бронзовые кудри
И с жадностью глотала каждый слог.

Я пью огонь
С гранатовой водой
И вытравляю голос алым дымом,
Чтобы твоё отравленное имя
Узнать никто не смог.

Стакан за стаканом – и вдребезги!
Я пил забродившие зори
И даже лучом не побрезговал,
Пронзившим рыдавшее море!

Не выплеснуть горечь безвинного
На паперть из темной бутылки...
Сверкнул карабины старинные,
К стене я повернут затылком.

Не жаль мне и жизни растраченной!
Не жаль расписного огнива!..
И глупые синие ласточки,
Мелькнут над пустеющей нивой...

Ближе ближнего и дальше дальнего
Льются реки многострадальные
Из пустого – в глухое, порожнее...
На плацу бродит темень острожная,

На плацу – сторожа-иноверцы лишь,
Ближе к разуму, дальше от сердца – тишь,
Ближе к сущности, дальше от сути – глушь,
Ближе к самой последней минуте – туш!

И взметнутся селенья острогами,
И расчертятся улицы строгие,
Горло стянуто серым воротом,
И дымит тишина над городом.

Марина Владимировна Федосеева, родилась 30.12.1988 г.. Родилась и выросла в селе Пачелма Пачелмского района Пензенской области. Получила высшее психолого-педагогическое образование и театральное среднее специальное образование в области режиссуры. Двукратный лауреат Всероссийского конкурса-фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2011 и 2012 гг.). Призёр регионального фестиваля-конкурса «Таланты земли Пензенской» в номинации авторское творчество (2014). Публикации – «Часовые памяти».

Марина Федосеева
г. Пенза

Всмотритесь-ка в лица знакомых людей.
Когда-то их не было с вами.
Вот этот добряк, а тот вон злодей,
И с разными все именами.

Откройте альбомы своих старых фото.
Взгляните, с кем рядом вы там.
Из жизни вашей ушёл уже кто-то.
Другой же идёт до сих пор по пятам.

Ведь были вы с ними когда-то и где-то.
О чём-то болтали, шутя иль всерьёз.
Всегда и везде свято помните это!
И прятать не нужно скатившихся слёз!

Встречаемся все мы на время какое-то.
И рано иль поздно, но каждый уйдёт.
Годы пройдут, и спросим мы: "Кто это?"
А он, может, думал: "Мой друг меня ждёт".

Всё в мире проходит и забывается.
Все в мире встречаются, чтобы расстаться.
Печально, если мечта не сбывается.
Но печальней вдвойне, что нельзя не прощаться.

Куда летят мечты
Под песни ветродуя,
Они, как я и ты,
Неистово танцуют?

По прежнему сценарию
Снег свежестью балует.
Пора нам устанавливать
Порядок поцелуев.

Имя

Мне нравится, как имя твоё звучит.
Колорит южного ветра в нём,
Сильный, обжигающий страстью.
И странствиями веет от него.

Странное тепло внутри появляется,
Когда слышу мелодику его звучания.
Величаю тебя избранным.
Мой. Ты такой не-открытый.
Пусть избито, заезжено сравнение,
Ты – такой. И томно
Влечёт к тебе
Всё моё,
Всё, что есть «Я».
Твоя.

Сплошь и рядом искусственность чувств.
Приелись смелость и постоянство.
Доллар -
Вот что ценно.
И ничто другое.
Мир болен.

Имя твоё - как во сне.
Жаркой пустыней веет от него.
Ты останешься во мне
До скончания меня
И даже за
Ним.
Вместе с моим признанием
Пусть искры недавние
Перерастут в большой костёр.
И всё твоё сплавится с моим,
Став единым.

Иди.
И помни
Ту, которой касался,
Которую ласкал,
Бесстыдно и властно притягивая к себе.
Она
С тобой.

Дарья Вересова родилась в Норильске. Публикации в журнале «День и ночь», «Октябрь», «Волга», «Радуга», газете «Заполярная правда» и газете «Университетская жизнь», в альманахах «Новый Енисейский литератор», «Пятью пять» и «Илья». В 2014 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Дарья Вересова
г. Москва

Сны блаженного

1

Ночь пройдёт Александровским садом пустым,
За Кремлёвской стены поворот.
Там, где Спасская башня гудит и поёт,
Где Василий Блаженный топорщит кресты –
Там уже никогда – обомри и застынь –
Ничего не произойдёт.

Только снег укутает сединой
Разноцветные купола.
И Василию снится: белым-бела
Вся Москва за его спиной.
Время гонится вслед за татарской стрелой,
И далёкие войны плывут над страной,
И эпохи сгорают дотла.

Это ночь перепутала, переплела
С днём сегодняшним день иной.

2

Здесь тишины не бывало сполна.
Гляди-ка вверх:
Узор – зубцы и узор – волна.
Который день твоим куполам?
Который век?

Дитя, рождённое на Руси
Под крик и лай.
Как степь татарская ты красив,
Как древних скал единый массив,
Как каравай.

Зевает город, восток желтеет
До янтаря.
Качает площадь на животе
Богатыря.

3

А Василию снится владыка-царь,
Толпа тысячелица.
Шапки долой, головы – с плеч!
Хлещет кадмий и киноварь.
«Перед тем, как в землю лечь,
Помолиться бы!»

А Василию снится – леса горят,
Пепел сыплет на кивера.
Офицерам приказ дан,
Не решатся, стоят в ряд.

«Перед тем, как идти назад,
Сжечь храм».

А Василию снится, что снег поёт,
Что стучит костыль,
Ломается лёд,
Что уже вот-вот
Артиллерия, голову опустив,
Уйдёт на фронт.
«Перекрещу на великий бой.
Бог с тобой».

...

А проснётся – вокруг тишина, тишина,
Белым светом площадь озарена –
То ли изморозь, то ли разводы соли.
И какая эпоха и что за страна
На дворе – не поймёт спросонья.

Тарковский Михаил Александрович, русский поэт и писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор стихов, рассказов, повестей, очерков.

Автор книг: "Стихотворения", "За пять лет до счастья", "Замороженное время", "Енисей, отпусти!", "'Тойота-креста", "Избранное", "Сказка о Коте и Саше". Главный редактор альманаха «Енисей».

Михаил Тарковский
с. Бахта Туруханского района
Красноярского края

Васька

I

Первое, что услышал Васька, просыпаясь, был шелест дождя по крыше избышки. "Значит, за глухарями не поедем", – подумал он, чувствуя, как отпадает всякая охота подыматься.

Было поздно. Николай давно вставший и попивший чаю, сидел на нарах, сопя и куря папиросу, и прикручивал цепочки к капканам. –

Сорок пять... Ну и как спали, Василий Матвеевич? – проговорил он, швырнув в кучу последний капкан.

"Мог бы разбудить, если так недоволен", – подумал Васька и, кивнув на покрытое каплями окно, спросил неизвестно зачем:

– Давно сыпет?

– Ешь давай, – ответил Николай – да поедем сеть смотреть.

Снег, так радовавший Ваську, наполовину стаял и оставался только в складках мха. У безжизненного

кострища мокро блестела банка. Вода стояла в собачьем тазу, висела мелкими шариками в кедровых иголках. На открывшуюся дверь вяло шевельнулся серый хвост под навесом.

Чуть забелело в низких тучах, от ожившего ветра полилось с деревьев крупными каплями, закричала с елки кедровка. Но когда Николай с Васькой спускались к Бахте по скользким чугунным камням, снова потемнело и засипел по воде было притихший дождик. Николай отвязал от кустов веревку и лодка, грохоча, сползла в воду, оставив на камнях белые блески.

— Заводи иди, — поеживаясь, буркнул Николай; чувствовалось, что ему неохота ни шевелиться, ни к чему-либо прикасаться. В сеть попали три большие щуки и таймень. Николай застрелил его из тозовки. Когда ехали назад, дождь усилился и Ваську, сидевшего за мотором, больно било по глазам.

Обсушившись, Васька решил пройтись по дороге, которую ему отвел Николай в этом месте. Но едва он поднялся в хребет, пробрел по редкому кедрачу с пяток капканов и вышел, шурша снегом, к болотцу с красным мхом, всыпал такой дождь, что ему ничего не оставалось, как вернуться обратно.

— Ну и охота мокнуть было? — усмехнулся Николай, все вопросы начинавший с "ну и". Васька поел жареного тайменя с картошкой, попил чаю и, смастерив на чурке станочек из толстой проволоки, принялся вертеть цепочки для капканов. Николай, всегда делавший то же самое плоскогубцами, посмеивался: мол, давай-давай, мастер, посмотрим, что из твоего мастерства через месяц выйдет.

Быстро стемнело. Николай заправил лампы, долго протирал стекла газетой, подрезал ржавыми ножницами фитили. Разгорелось пламя и сразу сжалось, почернев, синее окно. Николай прикурил от лампы, улегся и, не глядя, достал с полки журнал.

Васька в калошах на босу ногу вышел на улицу, помешал остывающий на лабазке собачий корм, вернулся, лег на нары — и затосковал. Дождь убил в нем всю прежнюю бодрость — бодрость от новых забот, от легкого морозца, стоявшего целую неделю, пока они развозили продукты по избушкам. Он чувствовал себя совершенно размокшим и бессильным. Все его удручало. От шуточек Николая становилось неловко, он не знал, как на них отвечать: обижаться не хотелось, а остроумно огрызаться он не решался, да и не умел. Все меньше нравился и сам Николай, который, казалось, без конца напоминал, что он здесь хозяин и что у него со всем вокруг, начиная от ведра в избушке и кончая порогами Бахты, свои старые отношения. Ваське казалось, что даже вещи напарника смотрят на него с превосходством, особенно полка, туго и аккуратно набитая пачками пулек, махорки, папирос. Казалось, что, если Николай сажает его за свой мотор, то непременно для того, чтобы Васька видел, как хорошо тот у него работает. Что Николай все время ищет повода придрататься, что если нарезать хлеб толсто, он скажет "оковалков напахал", а тонко — "ково настриг — окошко видать", и поэтому старался резать как бы средне и вообще избегал что-либо делать первым.

Васька уже не мог остановиться. Раздражало лицо Николая, сухое, с русой бородкой, с выпуклыми желтоватыми глазами, которые, когда тот жевал, прикрывались крупными веками в веснушках и одно из них двигалось вверх-вниз втакт челюстям. Все больше не нравились его избушки, маленькие и низкие. Васька пощупал шишку на лбу, поглядел на балку и представил, что сказал бы отец по этому поводу, наверное что-нибудь вроде "лесу пожалел, а головы нет". Не нравилось Ваське и их устройство: везде одинаково — стол у окна и по бокам нары. Особенно раздражала Ваську эта избушка, срубленная почему-то на крутом склоне и покосившаяся сразу в двух направлениях, так, что когдаходишь, сначала

получаешь дверью по спине, а потом танцуешь на кривом полу, чтобы не завалиться на печку.

Закрыв глаза, Васька стал представлять себе Бахту, по которой они подымались с грузом несколько дней. Она казалась широкой и неприветливой с бесконечными камнями, косами, скалами в косою кирпичик и сеткой облетелых лиственниц по берегам. Васька содрогнулся, вспомнив неуместное веселье беляков в пороге, стук мотора о камни и тугое стекло слива, сквозь которое просвечивает зеленое ребро каменной плиты. Потом он стал думать о названиях, которые уже совсем никуда не годились: Бедная речка, Холодный ручей или еще того лучше Хигами, Гикке и Ядокта, которую Николай, надо отдать ему должное, удачно переименовал в Ягодку. То ли дело Верхняя речка, Андроновский лужок, Алешкин ручей! И Васька с невозможной тоской вспомнил деревню, Енисей, озера на левой стороне, где они весновали с отцом; вспомнил майское солнце, земляные берега Сарчихи, из которой по виске можно попасть в длинное озеро, вспомнил большую избушку в остроконечном чернолесье и горьковатый запах тальников, дрожащих под напором течения и прозрачно-слоистых от того, что каждый уровень воды оставляет на них свою полосу ила.

Раз поймали они в сеть огромного карася, поразившего Ваську своей сказочностью: темно-золотой, с копейку, чешуей и человечье — самодовольным выражением выпученных глаз и приоткрытого рта. А раз Васька, пробираясь ранним утром на ветке по затопленному ельнику, услышал совсем рядом, впереди, нежный, колокольно-звонкий клик. Он выехал из чащи и увидел на абсолютно зеркальном озере двух лебедей, которые, когда он подплыл ближе, завертели желтоклювыми головками и поднялись, медленно отделившись от своих отражений и оставив на воде две рассыпающиеся дорожки. Сделав круг на фоне ельника, они набрали высоту и, перекликаясь, пролетели над

Васькой, деревянно и тоже как-то сказочно двигая выгнутыми крыльями.

Однажды отец уехал в деревню сдавать рыбу и задержался на сутки. Васька, прождав ночь, отправился посмотреть сети и так увлекся, что опомнился только вечером в отяжелевшей от рыбы ветке, когда, еле ворочая веслом, въезжал по виске в озеро – прямо в серебряное небо, где над перевернутым облаком висела в воздухе обоюдоострая стена пихтача с еле заметной линией берега посередине, с двумя половинками лодки и двумя изогнутыми струями синего дыма. У костра на тропинке, уходящей в воду, сидел отец и мешал в большой чашке сметану с мелко нарезанной черемшой.

Ту ночь, светлую и короткую, Васька запомнил на всю жизнь. Отец полулежал на боку, глядя сквозь остывающий костер на дрожащую воду, одной рукой подперев голову, а другой обняв привалившегося к нему Ваську. Никогда он не видел отца таким задумчивым, никогда рука его не лежала на Васькином плече так хорошо и никогда он не испытывал такого счастья. И такой усталости, которая продолжала укачивать его, как ветка, и он, уже закрыв глаза, все выпутывал из бесконечной сети серебристых, пахнувших огурцом, сигов. Отец отнес Ваську в избушку, сходил на берег прибрать хлеб и, когда сам укладывался, заметил, прикручивая фитиль, как дернулась рука спящего Васьки с распухшими красными пальцами.

Летом отец утонул. Как это произошло, никто не узнал, нашли только прибитую к острову и полную песку лодку. Васька остался вдвоем с бабушкой: мать умерла, когда он был еще совсем маленьким.

2

Прошло три месяца с того самого дождя. Ясным морозным днем Васька подходил по белому полотну Нимы к дальней избушке, стоящей на устье незамерзающего ручья в светлом и просторном лиственничнике. Утро было

очень холодным. Пар выходил изо рта плотной струей и с шелестом рассеивался.

Низко над рекой пролетел, скрипя крыльями и косясь на избушку, ворон. Были видны заиндевелые ворсинки у его ноздрей. На ворона нехстати взлял кобель-первоосенок и тут же замолк, пряча глаза. Ваську все это очень позабавило, одарив на весь день хорошим настроением. Мороз не давал мешкать и он часов за пять управился с дорогой. Попало три соболя. Искрился снег, густо синели тени, тянулся за лыжами сахарный ступенчатый след. До избушки не хватало нескольких капканов и Васька, скатываясь по звонким кустам на реку, с удовольствием подумал: "все хорошо будет — в следующем году доставлю".

В одном месте на припорошенный лед вылилась вода и застыла кристаллами. Слетелись толстые красные клесты и грызли эти зеленые звезды своими, похожими на испорченные ножницы, клювами. Они старательно наклоняли головы, прижимали их ко льду, и была в их движениях какая-то смешная ухватистость.

Серебрились на еще светлом небе тонкие, изогнутые как рога, ветви лиственниц. Полоска пара висела над промоиной. За мысом открывался длинный плес и над ним сопка с припудренной вершиной.

Бочка у избушки, чурка с воткнутой две недели назад топором, — все было засыпано пухлым голубым снегом. Васька не спеша освободил ноги из юкс, снял тозовку, привадник, понягу, согнувшись, вошел в ледяной сумрак и прежде, чем затопить печку, стукнул по трубе поленом. В ответ с шорохом проехал кусок снега. Потом он, не расслабляясь, надел лыжи, и притащил из поленницы несколько листвяжных чурок, которые кололись на рыжие волокнистые поленья, казалось, еще до того, как их коснется топор. Потом спустился с ведром к промоине у ручья. Края затягивались ледком, сквозь темную парящую воду виднелось дно в камнях. Шуриша

развернулась отколотая льдинка, и Ваську еще раз умилила эта зимняя живучесть речек и ручьев, в любой мороз продолжающих таинственно побулькивать. Подымаясь обратно к избушке, Васька с одобрением уставшего человека прислушивался к гулким щелчкам, к нарастающему реву в высокой трубе, из которой вслед за густым дымом начинал вырываться прозрачный расплавленный воздух, иссеченный искрами.

Смеркалось, уходило в открытое небо последнее тепло. С резким, каким-то особо отчетливым морозным шелестом, шумел по камням ручей. Избушка нагрелась, светилась печка рубиновой краснотой, плавилась в кастрюле льдышка глухариного супа. Васька развесил соболей, снял азам, заиндевевший изнутри по швам, растянул его на гвоздях за печкой, потом, несмотря на почти невыносимую пустоту в животе, еще некоторое время терпеливо разувался и принялся за еду, только когда аккуратно висели на своих местах бродни, перехваченные бабушкиными цветными вязочками, пакульки и портянки. После чая он поставил на печку собачий корм и, откинувшись на нары, замер, переживая блаженство этого долгожданного мига.

Ровно горела лампа. Чуть покачивалась под чисто вытертой луковкой стекла золотая корона пламени. Всегда есть в подобном свете что-то старинное, торжественное и очень отвечающее атмосфере той непередаваемой праведности, которая сопровождает одинокую жизнь охотника. В эти минуты Ваську охватывала такая волна любви ко всему окружающему, что по сравнению с ней долгие часы усталости, холода и неудач не значили ничего. Он смотрел на смуглые стены избушки и восхищался, как ладно срублен угол, как плотно заходит одно бревно за другое, как просто и красиво висят портянки на затертой до блеска перекладине под потолком. И росла в нем безотчетная гордость за свою жизнь, за это нескончаемое чередование тяжкого и чудного, за ощущение правоты,

которое дается лишь тем, кто погружен в самую сердцевину бытия.

3

С Николаем они встречались редко, раз или два в месяц, чаще всего в главной избушке, заранее рассчитывая время, чтобы придти в один день. Когда этот день наступал, Васька, волнуясь еще с вечера, вставал намного раньше обычного и, подходя краем Бахты к знакомой ложбине, издали высматривал полоску лыжни на снегу или столб дыма среди пестрого от кухты леса. Но обычно он приходил первым и, таская на нарточках дрова для бани, то и дело прислушивался и выбегал на высокий угор в надежде увидеть вдаль у мыса три шевелящиеся точки. Потом возвращался в избушку и, томясь ожиданием, пил чай, крутил приемник и вдруг вскакивал от громкого лая, без шапки выныривал на улицу и, отбиваясь от собачьих приветствий, слышал далекое и мерное шуршанье лыж.

Вскоре появлялся Николай, весь белый, с белой бородой, с березовой лопаткой под мышкой и кровавой белкой у пояса, с сосульками на усах и улыбкой, еле раздвигающей застывшие губы.

Иногда они менялись ролями, и как было приятно, до темноты провозившись с соболем, застрывшем после выстрела в толстой и лохматой кедре, подходить по свежей лыжне к светящемуся окну и видеть, как бьется во тьме рыжий хвост пламени над трубой. Валит пар из приоткрытой двери, рябчики скворчат на сковородке, а из рации к большому удовольствию сытого и разомлевшего Николая доносится пискляво-игрушечный разговор какого-нибудь "Тринадцатого" с "Перевальной", обсуждающих способы ремонта "дыроватого" ведра.

Раз на другой день после такой встречи, возвращаясь с дороги, Васька увидел напарника на крыше, скидывающим лопатой скрипучие кубы снега. Он было кинулся помогать, но Николай раздраженно осадил его:

мол, мог бы и сам давно догадаться, что крыши здесь никто перекрывать за него не будет. У Васьки одеревенели губы от обиды и он ушел в избушку пить чай, сразу показавшийся безвкусным, хотя он и мечтал о нем весь день. Впредь он стал еще более внимательным. Заметив, что Николай всегда, уходя, оставляет с избытком мелко наколотых дров, он стал оставлять еще больше и еще мельче наколотых, и между ними даже завязалось что-то вроде игры с возрастающими ставками, из которой Васька вышел победителем. Николай, видя Васькину покладистость и отдавая должное его упорству в охоте, раз от раза становился доброжелательней и словоохотливей. На Новый год они просидели до пяти утра. Николай, первым вспомнив случай со снегом на крышах, признался, что "после сам переживал" и что "наверно язык не отсох бы все добром объяснить, а не реветь попусту". Он усидел почти бутылку спирта, и Васька потом долго вспоминал истории про непутевых напарников, которых у Николая была целая коллекция и которые, хоть и стоили друг друга, но изводили его по-разному.

Был один, Борька, все приговаривавший во время сборов: "Тайга это тебе не водку трескать". Залетали они в тот год на вертолете. Николай разделил груз на две части: с одной высадил на главной избушке Борьку, а с другой полетел на Ягодку, откуда тот должен был забрать его на лодке. Но шло время, а Борька все не появлялся. Николай забеспокоился, пошел к напарнику сам, шел два дня, промок до нитки, перебираясь через Хигами, и обнаружил в теплой избушке невредимого Борьку, храпящего среди пустых бутылок. "—Хоть бы глоток, подлец, оставил," - подумал Николай, а кончилось все просто: на другой день он помог Борьке стащить на воду старую деревянную лодку, и тот послушно отбыл на ней в деревню.

Однажды Николай чуть не погиб от аппендицита. Рация, как обычно, была на Холодном, а прихватило его совсем в другой стороне. Он ковылял оттуда несколько

дней, пришел ночью и чудом застал на связи охотника из соседнего поселка. Вылетел вертолет, Николай пошел его встречать на Бахту, и его нашли в снегу без сознания с тускло горящим фонариком в руке.

В каждой избушке у Николая висела по школьной тетрадке. В такой тетрадке красивым почерком было записано, что такого-то числа охотник Шляхов пришел с Холодного, (не видал ни следушка), а такого-то ушел на Ягодку, мороз столько-то градусов. Но особо запомнил Васька другую запись. Она кончалась словами: "пишу стоя на коленях жалко мало пожил".

Постепенно Васька начал понимать, что за желчностью Николая стоит вовсе не какая-то вредность характера, а обычное недоверие битого жизнью человека. Он с облегчением чувствовал, что этого недоверия остается между ними все меньше и меньше. Особенно потеплело на душе у Васьки, когда в одной из избушек появилась сделанная руками Николая крутилка для цепочек.

В отношениях с людьми Ваську все больше удивляла обманчивость внешнего впечатления. Он всегда с интересом слушал разговоры по радиостанции и даже придумал игру: представлять себе по голосам разных охотников, а потом сверяться у Николая. Часто все выходило совсем не так, как он думал, и придурковатый заикающийся "Еловый" оказывался лучшим охотником района, а бойко и грамотно басящий "Захребетный" — последним болтуном, лентяем и посмешищем целого поселка. Был еще некто "Пятнадцатый". Говорил он резким недовольным голосом с причавкиванием и казалось, что его вечно отрывают от пожирания чего-то вкусного. Ваське не нравился его авторитетный тон и привычка делать всем замечания. У "Пятнадцатого" была большая семья и он без конца с нею беседовал, то и дело прерываясь и требуя, чтобы ему не мешали и не "забивали" эфир пустяковыми разговорами. Охотился он с сыном. Сын, как и Васька, был на охоте первый раз. У сына этого был такой же голос, как

и у отца, звали его тоже Геной, и Васька поначалу их даже пугал, потому что Гена-сын тоже причавкивал и харахорился не хуже отца, как бы давая этим понять, что он хоть и молодой, но тоже "Пятнадцатый".

Однажды Васька пришел настолько голодным, что первым делом, не дожидаясь пока оттаает ужин, сжевал брикет сухого киселя со снегом. После этого он подкрепился двумя чашками борща, а перед сном умял сковородку риса с глухарятиной. Под утро он проснулся от нестерпимой рези в животе и весь день провалялся на шарах. Оказалось, что младший Гена тоже заболел и, пользуясь затишьем, до обеда проговорил с молодой женой, причем сначала по привычке продолжал изображать "Пятнадцатого", а потом неожиданно пролепетал, что "соскучился ужасно", и Васька, которого и так не покидало ощущение, что он подслушивает, совсем смутился и выключил рацию.

4

Бабушка жила в васькиных мыслях постоянно. Маленькая, легкая как соленок, мягкая от надетых на нее платков и фуфак, пахнувшая прелым тряпьем, рыбьим жиром и картошкой, она и на расстоянии преследовала его своей заботой. Теперь, после долгой разлуки, Васька принимал эту заботу без раздражения и всякий раз улыбался, вспоминая, как навязчиво-неловко охраняла она его от водки или как перед отъездом донимала советами ("Бахта станет – по льду не ходи").

Но чаще он думал о ней с благодарностью и тревогой, представляя, как она, кряхтя, колет дрова, как возит с Енисея воду на рыжем кобеле и как темным утром тащится с фонариком в контору узнать "нет ли от Васи чего".

Еще вспоминал он ветреный день их отъезда. Накатывала на обледенелую гальку холодная и наглая волна. Мокрый Николай, ругаясь, отпихивал от берега

перегруженную лодку, ветер срывал брезент с груза, а вспотевший Васька бегал за отвязавшейся собакой. И, когда бабушка в десятый раз закричала, ударяя на "я": "Вася-я-я! Ты рукавицы взял?", он проорал ей в ответ что-то настолько резкое и грубое, что и теперь, вспоминая, краснел от стыда.

И чтобы заглушить этот стыд Васька из всех сил думал о том, как отдохнет бабушка, когда он вернется, как хорошо они с ней заживут, теперь, когда он такой взрослый и сильный, и что в следующий раз он обязательно наколет ей дров на всю зиму.

Под конец охоты уже очень хотелось домой, но когда настало последнее утро, когда прибирали в избушке, выкидывали ошалевшим собакам остатки рыбы, стало вдруг страшно грустно и обидно за это вот-вот опустеющее жилье, за открытую лыжню, по которой он вчера пришел и которая ему больше никогда не понадобится, за прибавляющийся день и солнечную погоду, которая будет теперь стоять впустую. Но в следующую минуту засосало под ложечкой от радостного волнения и пробежал по ногам зуд предстоящей дороги.

Недалеко от деревни они в последний раз ночевали в избушке. Ее хозяин, молодой парень, уже отохотился и ушел домой, оставив на гвоздике в цветастом мешочке домашнее печенье - "стряпанное". Васька, как ни сдерживался, сгрыз добрую половину вкусного стряпанного и, отвалясь на нары, уснул мертвым сном. Под утро посреди какого-то путанного сна его разбудил Николай. Трещала печка, чуть синело окно, верещала рация. Странно бодрый Николай внимательно посмотрел на Ваську и, как бы решившись на что-то, выдохнув воздух, сказал:

— Вот что Василий. Сейчас с деревней разговаривал. Бабушка твоя умерла.

Будто лопнул лед под Васькой, и от обдавшего холода он проснулся уже по-настоящему и, оглядевшись,

сначала не мог понять, почему так механически-мерно сопит Николай и так равнодушно-недвижен еле тлеющий фитиль лампы. Пережитое во сне было настолько сильным, что он, лежа с открытыми глазами, чувствовал, как все продолжает тонуть, цепenea в пробирающем до костей холоде - будто он снова бесконечно маленький и беспомощный, будто не бывало никогда ни морозной радости на сердце, ни тридцати вычесанных соболей в поняге, а есть только извечный, оголенный сном, страх одинокой потерянной души. Васька затопил печку. Она загудела, и все сдвинулось с мертвой точки, затикали часы на столе, пошевелился Николай, завозились собаки за дверью...

Настал день, а страх все не отпускал. Он был с Васькой все время, пока они шли по уже хорошо накатанной дороге, и когда их встретили у зверофермы, и когда они тряслись в нарте на едком дыму выхлопа мимо заваленных снегом домов, мимо собак, лай которых тонул в реве мотора и оставались от него лишь нелепо держающиеся головы с открывающимися пастьми. А потом показался дом на угоре и на крыльце стояла бабушка в красном платке и фуфайке, с охапкой дров, и, когда гул стих, она все что-то искала сморщенным лицом у него на груди, а он гладил ее по вздрагивающей стеганной спине и говорил не своими губами: "Ну, будет, будет"..., а над огромным Енисеем гнал ветер синюю пыль и ехало по зубчатому горизонту сплюснутое сказочное солнце.

Таня

У Тани была чистая кожа, копешка пушистых волос и щедрая улыбка, от которой прищуривались глаза и получалось выражение, будто она совершенно все понимает. Если добавить сюда мое одинокое существование, подчас изнурительную красоту Енисея и будни покоса, становится ясным, почему я так стремился в Селиваниху. Таню я увидел, когда приехал к тете Наде

пилить обещанные дрова. Пилил я под угором на песочке тети надиной пилой. Стартер был без резиновой ручки, с примотаной вместо нее железячкой. Я ссадил ею палец и, когда заматывал его кусочком изоленты, неизвестно откуда возникла вдруг стройная девушка в ярко-синей майке. Увидев мое занятие и не дав возразить, она убежала и тут же вернулась с бинтом и пузырьком перекиси водорода. Вид у меня был не самый подходящий для знакомства: мокрый от пота чуб, засаленная куртка, сизые руки и полные опилок отвороты сапог. Я наблюдал за бирюзовым жучком, ползущим по ее загорелому предплечью, а она старательно перевязывала мне палец, отфыркиваясь от комаров и болтая, как со старым знакомым. Пахло от нее какой-то ароматной комариной мазью. Она пошутила насчет моих рук, что-то вроде: "С такими руками только к женщине и подходить", и убежала по своим экспедиционным делам, а я допилил и поехал домой в Бахту. Когда я отпихивался от берега, на угоре появилась фигурка в синей майке и помахала рукой. Я не удержался и отъезжая, заложил крутой вираж, вывернув из-под борта валик упругой воды с белым гребешком.

Пел за спиной мотор, неся мимо каменистый берег с островерхим ельником, светило солнце и всю дорогу в серебристых брызгах у кормы стояла, как приятное воспоминание, маленькая радуга.

На покосе я думал о Тане и грешил перед товарищами, желая дождя, чтоб отменились работы и можно было мчаться в Селиваниху допиливать дрова. Догадливые друзья посмеивались. Дождя все не было. Мы поставили сено, взяли за силос. Запомнился последний день. Я стоял с вилами под зеленым душем в телеге, трясущейся за трактором, вдыхал пряный травяной ветер и меня всего распирало от нетерпения, потому что назавтра начиналась свободная жизнь — ничего уже не маячило впереди, кроме охоты, и я ехал в Селиваниху.

Таня еще спала, когда чисто-чисто пропел звук над Енисеем, когда застрекотала пила, выпустив синее облачко, и было поначалу неловко за этот шум, будто я пилю не листовняный кряж, а первую осеннюю тишину, еще в виде пробы натянутую над полузаброшенной деревней.

Жилым выглядел только тети надин дом с синими наличниками, крашеными охрой сенями и с выкошенной вокруг травой. Три брусовых дома, построенные экспедицией, стояли среди зарослей крапивы и иван-чая казенными кубами. Заведя небольшой красный трактор, стоявший на бугре с поленом под колесом, и проезжая кухню, я увидел Таню. Она стояла на крыльце и поливала из ковшика пучок укропа. Я щегольски тормознул, вылез из кабины, поздоровался и спросил воды. Она протянула мне ковш, локтем отерев комара со лба, и, улыбнувшись, предложила пообедать. У меня вовсю колотилось сердце, но я сдержанно ответил, что обедать мне шибко некогда, но что чаю попью, если угостят. В кухне никого не было, кроме нас с Таней.

Мы разговорились, Таня что-то спрашивала, об охоте, о моих друзьях, о Енисее. Умиляла городская неточность ее речи. "Дрова, Таня, не рубят, а колят", - все хотелось мне ее исправить. И еще очень хотелось вытереть локоть, который она испачкала в саже, взясь с печкой.

Потом, уже сидя в тракторе, я все продолжал улыбаться, чувствуя, что не ошибся в своих предчувствиях, что наконец возникло между мной и этой почти незнакомой девушкой нечто необъяснимое, зыбкое, как те осинки в сизой струе выхлопа, но одновременно реальное и очень созвучное происходящему в природе и во мне. Я думал о том, как повезу это нечто вместе с капканами и прочей прозой на длинной деревянной лодке попритихшей сентябрьской Бахте и как славно будет вспоминать танину улыбку, ежась от ветра и правя в просвет расступающихся мысов.

Я сел на чурку и достал папиросу. Впереди лежало серебряное, в насечках ветерка, блюдо Енисея. На той стороне за темным забором ельника синела невыразимо осенней, глубокой синевой волнистая даль тайги. Всегда почему-то кажется, что осень не возникает здесь, на месте, а именно приходит в виде какого-то голубоватого воздуха особого качества, в котором все начинает желтеть, жухнуть, табуниться, а у человека, наряду с растущей физической бодростью, открывается вдруг родничок поразительной восприимчивости к природе. И хочется, покоряясь ее тихой воле, взобраться на самый высокий яр, встать на колени, и глядя в морскую даль Енисея, благодарить небо за эту посланную Богом тоску, за каждый лист кривой березки, скоро потребующей столько любви и прощения в своей нищете. И долго будет укладываться в душе поминальная, в желток с луком, пестрота берегов и огненная трещина в базальтово-серой туче, заложившей север, пока ранним утром глухой удар весла в тумане не поднимет на крыло первое стихотворение.

Глядя в глаза, на вытянутой руке, с каким-то плясовым шиком старинного гостеприимства поднесла мне тетя Надя стопку мутного спирта, протараторив: "На-ка, на-ка, на-ка, сла-Богу, все вывез, спасибо тебе, рыбку закусывай"..., и я еще раз порадовался бодрости этой маленькой старухи, не устающей окружать свою одинокую жизнь узором такой поэзии, которая никаким поэтам и не снилась. Вечно ей что-то чудилось, мерещилось... Как-то я строил ей новые сени и жил у нее. Был тоже август, но мы спали в пологах, все не решаясь снять их. Перед сном тетя Надя долго устраивалась, зевала, а потом вдруг рассказывала про страшного приснившегося ей мужика, с лицом, заросшим речной травой, которого она не испугалась, а спросила только, когда он вошел: "Кто вы такие?", про эвенков, приехавших зимой на оленях с котом на веревочке, про тайменя, такого большого, что когда его подтащили к лунке, она, будучи еще девчонкой ("папа

звой был") подумала, что там "лосадь", или уже совсем анекдот про знакомую из славящегося непролазной грязью Верхнеимбатска, якобы писавшую в письме: "Надя, я не могу в Имбатске зыть: у меня ноги короткие, я с мостков оборвусь и в грязь уйду". Говорилось все это журчащим, полудетским голосом, задумчивым, как куриная песенка на склоне лета. Перед встречей с Таней мне приснилось, будто я украл из больницы фарфоровую кружку, и тетя Надя сказала, что значит будет мне "кака-то прибавка".

Когда после четвертой стопки я понял, что уже не смогу не попросить у Тани адреса, тетя Надя вдруг, что-то вспомнив, вытащила из-за пупырчатого стекла буфета коробку и извлекла из нее желтую, вчетверо сложенную газетку с моими стихами..., и через минуту я уже выбегал на крыльцо в раздувающийся ветер, в шорох травы и плеск Енисея, в музыку, плывущую с проходящей самоходки, не в силах удержать теплую слякоть счастья в глазах и все повторяя про себя четыре слова: "Моводец, Миса, хоросо составил!". Адреса Таня не дала. Она посмотрела куда-то в сторону и сказала трезво-манерным голосом: "Зачем тебе адрес?" и еще что-то добавила насчет флирта, который с ней "не пройдет". Убитый наповал таким поворотом дела, словечком "флирт", так не шедшим ко всему окружающему, я спустился под угор, мусоля в кармане так и не понадобившийся карандаш и поехал домой. По серой волне, сжимая опостылевший штурвал с отбитой эмалью и спрашивая: "Ну что ей стоило? Ведь я и не написал бы никогда"...

Приехав в Бахту, я почувствовал, как стосковался по своим друзьям и направился к Толян. Не доходя до его дома, я услышал негромкий свист, доносящийся из придорожных пихтушек. Там сидели вокруг ящика Толян, два Вовки и Степа Хохлов по кличке Картузный. На ящике стояла бутылка водки. Я бросился к ним: "Братцы!"

Обида на Таню постепенно прошла. Я даже убедил себя, что сам испортил все своей жадностью - денек-то

действительно был редкий. Так вот живешь-живешь, увязая в заботах и ничего не замечая вокруг, и вдруг осенним днем, когда виден каждый куст на другом берегу и прохладные облака почти не дают тени, сдвинется что-то в мире, и сольются в один светлый ветер девичья улыбка, тети надины драгоценные слова, плывущая над Енисеем музыка, и, просквозив душу, исчезнут, но уже навсегда ясно, что не что-то иное, а именно такие, изредка сходящиеся, створы и ведут тебя по жизни.

Вера Кузьмина. Родилась в Каменск-Уральском в 1975 году. Закончила медучилище там же. Публиковалась в журналах: Москва, Наш современник, День и Ночь. Проживает в городе Каменск-Уральский.

Вера Кузьмина
г. Каменск-Уральский

Дорога домой

С каждым днем темней да хуже,
Мало фонарей,
А до дому – камни, лужи,
Восемь пустырей,
Темнота и месяц тонкий –
Господи, спаси...
Меньше на одну бабенку
Будет на Руси.
Из библейских добрых сказок,
Весь укрыт парчой,
Дышит ангел сероглазый
В правое плечо,
Не пускает в переулок,
Где укрылся тать...
Напеку я сдобных булок -
Ангелу отдать.
Злая страшная собака -
Шасть из-за угла.
Я когда-то булки с маком

Крестнику пекла.
Бродит гопник на свободе,
Зырит из окна.
Наших крестников уводят
Жись, любовь, война.
В подворотне вякнул пьяный,
Вспомнил чью-то мать.
Хорошо, пусты карманы -
Нечо отобрать.
Ангел мой довел до дому,
Вон и дверь видать.
...век не вывихнут - поломан,
Кровь течет — вода,
Сколько сорвано заклепок,
Сколь гвоздей — не те.
Ох, тебе бы, Гамлет, шлепать
Русью в темноте.
Все же - есть мужик и крыша,
Лес, речной песок,
И стихи под курткой дышат,
Как слепой щенок,
Все же - мамка и дорога,
Старой лампы свет...
...ангел, отпроси у Бога
Хоть на пару лет...

Дым

В Старом Каменске топят печи,
Дым летит в Таборы, в Сысерть.
Утверждают, что время лечит:
Врут, наверное - только смерть.

Отпустила, иди. Но всё же
Веки щиплет каленый дым:
Где-то бродит в тумане ёжик,
Тот, который не стал моим,

Потому что моё – не сроки,
А морошковые срока,
Черный ворон да две сороки,
Да в чекушке на полглотка.

Непростым да негладким – вечно
Вместо туфель носить пимы...
В Старом Каменске топят печи,
Над Россией стоят думы -

Над Россией, в которой ёжик,
Лисы, лошади, воронье...
Боль на дым из трубы похожа:
Никуда не девать ее.

Весна. Переулок

Весна. Переулок Гастелло.
Под лавкой отопок худой,
И пахнет строительным мелом,
Опилками, талой водой.

Размыло дорогу до рынка,
Над глиной воды на вершок.
Весна. И промокли ботинки,
И жить на земле хорошо.

За рамой старушечий профиль:
Светлей починять под окном...
И как-то становится пофиг,
Что все мы когда-то уйдем.

Жись

Под окном барака георгины,
Доски, мяч, огрызок огурца.
Толстый внук воровки бабы Зины
Ковыляет в луже у крыльца.

Жись идет по старому порядку,
Как слепил седой, суровый Бог:
Через годик мне очистит грядки,
Как его папаша и дедок.

А другая жись-то – есть ли, нет ли...
В этой - по реке идет шуга,
Тяжко гнутся грушевые ветки,
Слышен "Черный ворон" в такт шагам,

В Рождество – славление и ясли,
Продавец дает на сдачу медь,
И зачем-то, если слишком счастлив,
Хочется уйти и умереть.

За грибами

Нынче все остыло разом,
Иней на траве.
Мой хороший, кареглазый,
Спи в своей Москве.
Я сегодня за грибами:
Два ведра, мешок.
Месяц роет по-кабаньи,
Может, груздь нашел.
Звезды меньше, небо шире,
Месяц хочет есть.
У тебя в Москве - четыре,
На Урале - шесть.

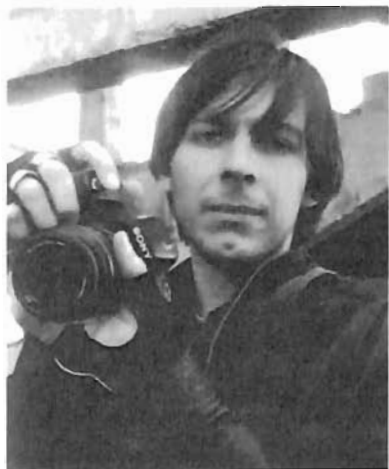
В одеяло бы закутать:
Сон, тепло, уют.
Между нами не минута,
Больше ста минут.
Лесовик хихикнул в спину:
Вот и грузди, стой...
Пробивать мне жисть-суглинок
Глупой головой.
Думать: вдруг не срежут ножку,
На ветру дрожать
И любимому в лукошко
Прыгать без ножа.
Медвежонок точит коготь,
Весь восток в огне.
Как грибов-то нынче много,
Говорят, к войне.
Ты не думай о плохом-то,
Спи, хороший мой.
Зажую черняшки ломтик,
Все, пора домой.
Лесовик смеется тяжко,
Пробежаламышь...
Я не срезана пока что.
Ты меня хранишь.

Бродскому и не только

*"На Васильевский остров
Я приду умирать"
Иосиф Бродский*

Гаражи да сарай,
Да дощатая гать...
Что ты, Бродский, забаял?
Что придешь умирать?

Расскажу, как до дому
Не дошедши – на кой?
Я к проулку Речному
Прижималась щекой,
А старуха Парася
У ворот подняла:
"Эко чо, напилася...
Ведь спалишься дотла.
Шибко быстро да просто..."
И отчистила грязь.
Твой Васильевский остров
Маловат для Парась.
Что ты баешь - по-скотски?
Мол, холопская кровь?
Как презрительно Бродский
Вскинул рыжую бровь!
"К равнодушной Отчизне..."
Слышь, во все времена
Нам Россия - для жизни,
Вам - для смерти дана.
Мы не братья и сестры
Перед нашей страной:
Вам - Васильевский остров,
Нам - проулок Речной.

Логинов Сергей Валериевич.
Родился 3 января 1988 в Ленинске-Кузнецком.

Окончил юридический факультет ТГУ.

Сейчас работает преподавателем правовых дисциплин в Ленинск-Кузнецком филиале ТГАСУ.

С 2006 года член литературной группы ЛИК под руководством Алексея Бельмасова. В 2013, после смерти Алексея, возглавил группу. Автор двух книг стихотворений.

Сергей Логинов
г. Ленинск-Кузнецкий

Когда зиме заметно надоест...

...если снится снег...

Когда зиме заметно надоест,
Бросать снежки в окно календаря,
Достанет ночь безлунная обрез
И поведёт огонь по фонарям.

Наутро будет первой кровью снег
Сочиться с крыш по водостокам вен,
А люди будут выше и темней
Самих себя из прошлых перемен.

Никто не станет помнить о плохом,
Зима займёт в затылке уголок,
И каждый день пойдёт под каблуком
Холодных снов, покрывших потолок,

А на уме уместная весна,
И вера в память, выбравшую путь,
Когда зима из снов извлечена,
Когда в затылке холода пройдут.

Тот самый голубь

...Птицам тоже снится...

Словно семечки сыпались градом,
Дни сменялись с невиданным ритмом,
По балконам вязали наяды
Разных судеб распущенный свитер.

Люди были добрей, чем обычно,
Корки хлебные с неба на город
Плыли тучами простоязычно,
А виновником был этот голубь.

Он летать разучился в утробе
Первых снов, что ниспосланы птицам,
Крылья сбросил он в первом сугробе
И без крыльев ходить научился.

Разве ноги даны не для хода
По дорогам, по небу, по долу?
И неважно, какая погода,
Голубь будет летать по-иному.

По дворам удивлялись собаки,
И коты разгогулили спины,
Птицы все по помойкам и в страхе,
Ну, а этот гуляет и пишет.

Тонким жестом, как курица кистью,
Над домами, в след свету и лету,
Пишет он хронологию жизни
Голубей, научившихся бегать.

Чем закончить историю эту
Не решат орнитологи свыше,
Ходит голубь пешком по планете,
Наплевав на границы и вышки.

Не пугают ни люди, ни пробки,
Ни крылатый, ни четвероногий.
Он пройдёт семь небес...

Пробежит сто дорог...

И...

И однажды притопаёт к Богу.

Наступает спокойствие в деле...

...сон имени испанской надежды...

Наступает спокойствие в деле
Перехода полей и оврагов,
И подошвы стирают заделы
На железных ботинках и крагах.

Мне спешить не приходится боле,
Все драконы по башням и в норах,
И впервые собою доволен –
Я сушу на ходу чёрный порох.

Годы были не просто так слиты.
Слякоть въелась, но вывелись дали.
И дворцов неприступные плиты
На кладбищенской чёрной спирали,

Показали глаза в нишах окон,
Путь конечный назвался последним,
И признанием этим растроган,
Я зашёл в придорожные мели.

С этих пор ветер призрачных мельниц
Не обманет моё безучастье.
Не стараюсь спешить, надо медлить,
Порох слишком сырой и печальный.

Вместо розовых стен ожидания,
Я приду к неизбежным отвалам.
Только высушить дай...

Хватит полных два дня...

Чтобы замки могильные пали.

Клапаны клацают...

Ключ повернулся к дороге лицом,
И тень серебристые крылья сложила.
У самого прошлого из-под резцов
Мчатся машины.

Педали, колёса, ходули, шасси...
И, кажется, крыть небесам больше нечем.
Насколько хватило, настолько нестись
Всем в вечность.

Природа, конечно, должна победить.
У каждой войны есть итоговый смысл.

А людям останется взять и любить
Разбитые механизмы.

Весь род человеческий здесь не при чём.
Конечная форма могла быть любая.
И клапаны бьются, и масло течёт
По водоотводам Рая.

Так было задумано тысячи раз.
Раз десять уже приключилось, наверно.
Машины уходят в единственный Рай,
Чтоб вспыхнуть там новой живою вселенной.

А люди... что люди? О грустном зачем?
За грохотом крови услышите сами,
Как крутятся шестерни нервных систем,
И клапаны клацают лбами.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмоскowie. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «АлконостЪ», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Графит», «Новый мир» и др. Автор книги «Сплошная облачность» (2013). Лауреат Григорьевской премии 2014 г.

Андрей Пермяков
г. Петушки

Футбол

I

Летом восьмидесятого года дорога к реке
Была возле стройки на городском стадионе.
Следы на гудроне надёжней следов на песке,
Следы на горячем асфальте надёжней следов на гудроне.

Ветер бросает птицу тебе в лицо,
Как телезвезду под прицел фотокамер.
Свет и вода обернулись в большое кольцо.
Ветер остановился. Нет, не остановился, но замер.

Звук чёрно-белой моторки перерезает зной.
Приоткрывается первая из Америк:
«Всё происходит. И всё происходит с тобой».
След на воде отрезает противоположный берег.

II

А на Москве-реке немножко другие чайки.
Вон одна ухватила рыбёху и уходит винтом.
Так от немецких защитников уходил Бурручага
На стадионе Пуэбла в восемьдесят шестом.

А на Москве-реке чайки с серыми головами
Смешные и наглые почти безо всяких мер.
Рыбаки поминают их матерными словами,
Как после страшного матча Бельгия-СССР.

А количество встреч равно числу поражений.
Человек опускается на золотые доски.
Свет и вода переходят в степень смещения.
Рядом садится чайка по имени Лобановский.

И если закрыть глаза, то не было всех этих лет,
как раз потому, что все эти годы действительно были.
Ветер поправил звук, поставил правильный свет
и поднял одиннадцать столбиков чуть красноватой пыли.

Нине

Падает крохотный свет
на переводные картинки.
Вот ты не застала кассет,
а я ещё помню пластинки.

И отрывной календарь
в убогих картонках корок.
Там был настоящий январь:
свобода и минус сорок.

Там тонкое время плыло
и дальше хотело плыть.

И много такого было,
что больше не может быть.

Там телик показывал
меньше одной программы,
там дядька привязывал
велик на берегу.
Музыка кончилась, мама домыла раму.
Зайцы попрятались в ненастоящем снегу.

Детское

Двое через еловый, наглые, точно мыши.
Этот, большеголовый, через полвека напишет:

«Мы часто гуляли вместе, и никогда — домой».
А мне всегда интересней, куда уходит второй.

Он был умнее, старше. Скажут: не повезло.
Бабушка варит кашу. Муха стучит в стекло.

Проза

Воздушный змей парит, парит
Москва негромко говорит.
Мамуля лечит нервы.
Год восемьдесят первый.

Потом зима, потом ещё
Потом довольно горячо.
Потом чуть-чуть теплее.
Посёлок в Галилее.

Агавы, полунемота.
На змее снизу два креста:

по-римски цифра двадцать.
Попытка возвращаться

Фрагмент афиши: "Секс в Большом..."
На фотке — дуры голышом.
Собака лает ветер.
Темно на этом свете.

Воздушный змей парил, упал
сыночек отправился в ЦАХАЛ,
мамуля лечит нервы.
Дочурка тоже стерва.

Тоска такая что никак.
Звонила врач. Сказала «рак».
Глядит на ручку двери.
Поверить? Не поверить?

Вот так. Я написал рассказ.
Обыкновенный, триста фраз.
Сюжет изложен выше.
Герой — Тульбович Миша —

стоит, дрожит, таблетку пьёт.
Он не родился, но умрёт,
а я тому виною.
Чего теперь со мною?

И тот, кто выдохнул мою,
пока ещё бессмертную
включает, выключает свет.
А я боюсь, что смерти нет.

Бабушка перебирает картошку,
откладывая гладкую на семена.
Соседская девочка Эля играет с Тотошкой
(это их настоящие имена).

Там вообще всё было таким настоящим,
что до сих пор отражается в малоподвижной воде.
Жёлтые клубни падали в сломанный ящик,
как жёлтые жёлуди в книжке о Моховой бороде.

В мягких ладошках небольно царапалась птица,
сын тёти Зои прикуривал от букваря;
если случится то, что конечно случится,
буду хотеть не покоя, но долгого сентября.

до большого одиночества —
ерунда, Господня шалость:
всё начнётся и закончится,
точно и не начиналась.

встанете такие вечные,
сделав каменные лица.
...одного б хватило вечера
досыта наговориться.

Анастасия Устинова родилась в 1995 году в Оренбурге. С 2000 года живет в городе Новокуйбышевске Самарской области. Произведения Анастасии Устиновой печатались в журналах «Природа и человек. Свет» (Москва), «Детская роман-газета» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Ставроша» (Тольятти), «Отчий Дом» (Новокуйбышевск), «Приокские зори» (Тула), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Траектория Творчества» (Калуга), в коллективных сборниках «Классная работа», «Муза и мы». Автор книг: «Я иду по солнечному лугу» и «Стерва, или Эпоха по имени Люська».

Анастасия Устинова г. Новокуйбышевск

Накануне славы и любви

Каждый раз, глядя на тебя, я не перестаю удивляться самой себе. Ну почему ты так много значишь в моей жизни? Настолько много, что даже наедине с тобой я не способна проявить хоть малюсенькую грань человеческих эмоций? И неужели меня ты ставишь в один ряд со всеми остальными смертными, с теми своими фанатками, которые любят не столько музыку, сколько влюблены в тебя? Почему свою уникальную, единственную на земле, улыбку ты адресуешь не мне одной, а толпам этих разодетых и раскрашенных девиц? Ты действительно думаешь, что они лучше, чем я? Ты действительно так думаешь? Или они просто нужны тебе, как подтверждение твоей нарождающейся славы, которую ты с лёгкостью приносишь в жертву любви?

Наверное, я просто невозможна и немыслима! Но лишь находясь рядом со мной, ты способен ощутить трепет жизни, что кровь гонит по венам, и это называется

вдохновением творчества. Когда-то это походило на сказочную полудетскую мечту – мы вдвоём против целого мира, и мы его побеждаем, и мир падает к нашим ногам... Теперь у нас появились другие привязанности, отдельные друг от друга. Музыка и литература разделили нас и, похоже, навсегда. Люди ищут славы, как спасения от одиночества, но не понимают, что слава – это и есть одиночество. Рад ли ты своей начинающейся славе? Похоже, слишком рад, в отличие от меня, которой слава пока не грозит. Меня вполне устраивали времена, когда единственную существенную важность мы видели лишь друг в друге. Теперь же мы живём жизнью других людей – музыкантов, писателей... Это называется профессиональное сообщество.

Я вынуждена лицеизреть толпы школьников, очарованных тобой. Да и как тобой не очароваться? Знал бы ты, до чего сложно мне сохранять на лице непроницаемую маску, в то время как одно твоё существование отдельно от меня отравляет мой разум, и я не в силах оторвать от тебя собственнический, тщательно скрываемый от глаз других, взор. Звук твоего голоса способен парализовать мою волю... За свою душу я уже давно не волнуюсь, поскольку отдала тебе её в полное безраздельное владение в обмен за возможность хоть изредка видеть тебя, ощущать на себе твой взгляд. За возможность, пусть призрачную, однажды никогда, слышишь, никогда и никуда не отпускать тебя от себя. Мне и сладко и одновременно тошно от мысли посвятить тебе всю мою – такую единственную и такую неповторимую! – жизнь, ведь я прекрасно понимаю, что ты не сможешь этого оценить, даже если захочешь.

- Братьев обычно не ревнуют, - в пустоту произношу самой себе, хотя мы вдвоём.

Ты насмешливо поворачиваешь ко мне свою красивую голову, и, видя что я едва не плачу, подходишь ко мне и мягко гладишь меня по волосам. Да, прости, они

вечно непослушные и вечно топорщатся под прикосновениями людей, эти мои несурзные волосы. Но твоего прикосновения достаточно, чтобы не только сделать послушными мои непослушные волосы, но и исцелить от любой хандры её обладательницу!

— Мы с тобой не родственники, — то ли успокаиваешь ты, то ли произносишь приговор.

В твоём голове спокойная непреклонность давно принятого решения, высказанного однажды:

— Ты не мой тип.

А я и не тип вовсе! Тип мужского рода!

Сколько лет потрачено мной на то, чтобы выяснить наконец — каков он, твой тип? Почему при столь завышенных требованиях к женщинам, тебе банально нравятся рыжие дуры? В чём дело, чёрт возьми?! Ну не перекрашиваться же мне, хотя... Приходится кисло наблюдать за твоим пробудившимся интересом к очередной рыжей стервочке. Неужто ЭТО твой тип? И я со жгучей, выжигающей душу, горечью осознаю, что эта рыжка-норушка, нарушившая нашу не то дружбу, не то любовь, за несколько дней стала тебе ближе, чем я за много лет.

Порой мне кажется, что невозможно быть настолько идеальным, как ты. Это просто аморально в столь несовершенном мире, где мы живём. Хотя, может, отсутствие недостатков и есть твой главный недостаток?

Пусть так! Пора мне смириться и начинать новую жизнь — без тебя. Пора уподобиться окружающим, научиться казаться одной из них. Привыкнуть, смириться, заснуть, подобно сказочной принцессе, как вдруг однажды поздним вечером обнаружить тебя спящим на моём диване. Даже в спящем состоянии ты прекрасен — похож на внезапно повзрослевшего ребёнка — всесильного и беспомощного одновременно. Странно, я раньше никогда не видела тебя спящим, для меня это станет сродни открытию какого-то нового, ранее недоступного,

горизонта. Не отдавая себе отчёта, я почти машинально пройду на кухню... А вдруг ты проснёшься? А значит, у меня считанные минуты, чтобы приготовить тебе кофе, чего я ранее никогда не делала! То-то ты удивись! А может, скажешь, что это так банально – ОНА готовит ЕМУ кофе и подаёт в постель. Какая житейщина!

Твои волосы, такие послушные на вид, ласково перебирает сквозняк из открытого окна. Я хочу запомнить этот миг, зафиксировать его в памяти навсегда, чтобы в самые трудные минуты жизни этот миг был со мной. А они не преминут явиться, эти трудные минуты! Потому что сейчас ты проснёшься, удивись, и мне снова предстоит сражение за тебя – и так всю жизнь, пока однажды вдруг, став взрослой, я сама тебя не брошу. Нет, вовсе не как любимую игрушку или детскую, прочитанную сотни раз, книжку. А как часть отмершей и отстрадавшей души... В жизненном сражении за твою любовь я проведу немало счастливых дней – одной рукой помешивая суп на плите, другой рукой нянча нашего ребёнка, одной рукой отмывая стены в подъезде от надписей твоих фанаток, другой – набирая на компьютере прокрученные жизненные сюжеты... Мне некому будет пожаловаться, потому что мама меня предупреждала. И я буду «жаловаться» листку чистой бумаги... Как-то незаметно для окружающих, для мамы, а главное – для самой себя, и уж конечно – для тебя, слишком занятого собой и своим роком, я стану известной успешной дамой. Хотя не могу сказать, что, став такой, я стану сама собой, стану счастливой, потому что только счастливый человек бывает равен сам себе, задуманному богом. Я не хотела быть знаменитой, я просто боролась за твою любовь. Поэтому я всегда буду благодарить тебя за то, что ты научил меня бороться. Однажды ты проснёшься и просто не обнаружишь меня на том самом диване, на котором я обнаружила тебя так много лет назад. Ты даже не поймёшь – почему я ушла. Ушла, не

сказав ни слова упрёка и не оставив записки. Забыла навек, чтобы запомнить навсегда.

Но сейчас, когда настоящее уже вошло в мой дом, я не хочу думать ни о прошлом, ни о будущем. Будущего ещё нет, а прошлое превратилось в мираж. Такие миражи бывают в пустынях, и огромный густонаселённый мир без тебя – разве не пустыня!.. Но ты уже пришёл, и спишь на диване...

– Любашка, какая ты несурзная в этом фартуке! – скажешь ты, проснувшись. Это – вместо благодарности за протянутую тебе чашку кофе, подрагивающую в моих руках.

Я не обижусь, мой милый Ярослав!.. Ты для меня во всём и всегда останешься прав. Как можно обижаться на Славу, тем более, если слово пишется с заглавной буквы? И я так и не научусь на тебя обижаться. Не научусь, несмотря на твоё ироничное отношение ко мне. Несмотря на толпы рыжих фанаток, что вот-вот начнут исписывать любовными признаниями стены нашего подъезда. Несмотря на твоё насмешливо-скептическое отношение ко мне.

Так мы и будем жить: Ярослав, мечтающий о славе, и я, мечтающая о Ярославе! Но слава однажды почему-то предпочтёт меня. Рыжие фанатки исчезнут из подъезда, останутся лишь надписи на стенах, повествующие о былой любви к тебе... Слава почему-то уйдёт ко мне, может, потому, что двум славам вместе не бывать? Ты поначалу не заметишь этой измены славы, а, заметив, не простишь. Как никогда не прощает слава оказавшуюся сильнее любовь! Впрочем, мне уже к тому времени и не нужно будет твоего прощения...

Татьяна Кравченко родилась в городе Березовском 2 февраля 1984 года. Закончила социально-психологический факультет КемГУ. Татьяна редактор молодежной православной газеты "Глагол". Участник Сибирского совещания молодых писателей в Томске и Российского совещания молодых писателей в Сургуте. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Пролог», «Органон», «Транзит-Урал», в коллективных сборниках. Автор книги «Просто стихи». Живет в городе Кемерово.

Татьяна Кравченко
г. Кемерово

Облака на земле привыкают к мысли,
что лететь высоко — не их удел.
Осторожно река переносит числа
наших судеб больших и ничтожных дел.
На Земле стоим, чтобы верить в Бога,
чтобы песни петь и на мир смотреть.
Безвозвратно к небу ведет дорога,
нам по ней идти, догоняя смерть.
Нам за ней идти и в леса, и в поле
собирать дожди и тревожить сон,
и пером писать, и питаться солью,
топором рубить и считать ворон.
Облака идут по воде туманом,
досчитай до ста и иди искать
самого себя на руках у мамы,
чтобы вместе с ней над Землей стоять.

Когда душа летит над телом,
как птица над своим гнездом,
полет становится пределом
всему, что сбудется потом.
И тот, кто жил всего мгновенье
и по воде босой идет,
ее почувствовав течение,
еще мгновенье проживет.
Он будет каплей бесконечной
в густой оправе янтаря,
когда почти лишится речи,
о бессловесном говоря.

Я к Тебе приду босая,
без копейки за душой,
оставляя, отпуская
тех, кто все равно ушел.
Я к Тебе приду пустая,
как засохшая река:
из песчинки вырастают
океаны из песка.
Я останусь осторожно,
стану тонкой, словно нить,
и окажется возможным
мне с Тобою говорить.

Покрыта полем Русская земля,
раскинулась от Бога до порога.
Когда меня вперед ведет дорога,
за мной шагают тенью тополя.

Я слышу, как трава растет ночами,
как мать меня качает и поет,
так в первый раз по имени зовет,
что крылья вырастают за плечами.
Укрыта небом Родина моя,
молитвами шумят ветра в березах,
и я украдкой вытираю слезы,
почти не зная, кто такая я.

Я новый день с тобой почувствую стихами:
и не спокойно жить и не спокойно спать,
а хочется читать Харуки Мураками
и черные квадраты на стенах рисовать.
Мне трудно устоять, я – девочка на шаре,
так странно и смешно со стороны смотрюсь.
Написано пером придуманное Шарлем:
ты с синей бородой, и я тебя боюсь...

Ты мне говоришь: «Чужая,
не стой на пути – лети»,
я молча тебя провожаю,
чтоб вслед за тобой идти.
Я ловко расставляю сети
и черный найду ход,
ты — камень в моем браслете,
надежды моей плот.
Ты маленький мой сыночек,
я — глупая дочь твоя...
На нашем пути точка
простая, как жизнь моя.

Спрячут глаза одуванчики – вечер,
воздух засветится тихо и млечно,
можно сидеть до утра на крылечке
в небе безлюдном и бесконечном.
Тихо сидеть на своей ступеньке,
чтобы смотреть, как летят планеты...
В доме все спят, и стоит деревенька
на самой макушке зеленого лета.

Мягкой кистью вечера снежного
рисуем новый сюжет романа:
другие мы, влюбленные, нежные
греемся теплыми фразами... Странно,
но ты вспоминаешь, что я – принцесса,
белое платье и ты меня любишь...
Больше не ходим ночами по лесу
наших почти что реальных иллюзий.
Сшиваю новые строчки в строфы,
ты читаешь мне на ночь сказку
про Филифьонку и катастрофу,
которой не будет... Смешаю краски,
и ты увидишь, что сны цветные
летают над нами, как бабочки южные.
Ночь невесомая шепотом крыльев
над нами сплетает нежное кружево.

Татьяна Николаевна Тарковская
родилась 24 мая 1977 года в Барнауле.
Закончила факультет филологии и
журналистики АГУ..

Работала редактором и ведущим на
телевидении и радио, новостник.

Также работала редактором отдела
поэзии журнала "Алтай".

Автор двух поэтических книг. "Все
круга", "Стихотворения".

Член союза писателей России с 2001 г.

Татьяна Тарковская
с. Бахта Туруханского района
Красноярского края

О, чудная тарковская погода!
Июньский снег ложится на пески,
И белый день по линии исхода
клонится к седине моей реки.
Опустится и, медленно-печален,
сольется с беспощадною водой,
и снег уже почти горизонтален,
и год уже почти тридцать седьмой,
и свет иной.
И длинный план прощанья
Под звон оконный - выдох ветровой,
И вот уже течет воспоминанье.
И Лета под горой. И свет иной.
Но жизнь - не прерывается исконно,
И в день грядущий, мной не прожитой,
Мой сын пройдет по полочке иконной
Над этой неизменною рекой,

Над бездной. Да святится имя Отче.
В канун июня, в снежную пургу
Нет никого на свете одиноче,
Чем мальчик на высоком берегу.

Холодно на двухтысячном километре.
Мне поутру не занимать тоски...
Вот человек, знающий все о ветре,
Твердой походкой движется от реки.

Вот по тропе черноволосых кеток
Непоправимо долго иду к нему...
Любишь меня? – шепот таежных веток...
Любишь меня? – отблеск в речную тьму...

Ветер не стихнет сутки, а то и двое,
Лодки уйдут на север, в далекий путь...
Там, где безветрие, жизнь ничего не стоит,
Там обмануться легче и обмануть...

Здесь же, в краю, откуда не ждут обратно,
Сердце мое усталое сохранит –
(Любишь меня?) – тот, кто мне ближе брата,
(Любишь меня?) – тот, кто меня простит...

К ночи ударят громы, дожди польются.
Словно к черте последней – береговой –
Выйти на этот ветер и задохнуться...

Любишь меня... – лодки перевернутся?
Любишь меня... – лодки придут домой.

Неужели ты не слышишь.
Как зелёная волна
В ночь ударила по крыше
И запела у окна?

Гул стоит неодолимый —
Вечной юности клаксон!
Отчего ж ты смотришь зиму.
Продлевая белый сон.

Словно кто зовет далече,
Кто иной, — не я. не я.
Будто вечности предтеча
В отголосках февраля.

Я ль пою тебе негоже,
Бесноватая весна...
Говоришь: Помилуй. Боже.
И отходишь от окна...

А мне — тщета под луною греться,
Лелея мартовский сизый лед.
Мой дом остыл, как отцово сердце,
И ничего - на пути вперед.
И тот недолгий, что мной изведен,
Кусочек века не чтит луна,
И в затяжном водоеме неба
По мне воронка припасена,
Ах, колокольная! Может статься,
Придется скоро, вот-вот, весной,
В ладони матери фреской вжаться
И быть надежной, как свет иной.

Все было и выбыло: время взяло.
День выдохся, словно охота на волка.
А на остановке разбито стекло,
И мир городской утопает в осколках.

Дрожит до асфальтовых судорог вплоть,
До самых костей – подворотен квартальных.
Слабо нам у города вены вспороть,
Курить беспощадно и плакать прощально.

Легли ледяные ладони ночей
Поверх многократно проверенных нервов,
Смыкаются веки у календарей,
Смыкаются жизни у пенсионеров,

Смыкаются круги – своя и вообще.
Мне – только полкруга! Мне рано! Мне много!
Но режутся судьбы вслепую – и чем?
Осколками стекол... Осколками Бога.

И время мешает жильца с мертвецом.
...Когда мы однажды увидим друг друга,
Всмотритесь в мое молодое лицо,
Что все еще верит в незамкнутость круга.

Вы старше. Старее. Но время пришло.
А время, как сердце мое, неподсудно.
Все думаю, думаю, долго и трудно:
Зачем

Эти люди

Разбили

Стекло?!

Закату день, как Богу грешник, верен.
Он пьет вино и молится всерьез.
Прощайте, братцы, ухажу на север,
А попросту – слетаю под откос.

Прощайте на закате, Бога ради,
Чтоб вы наутро не узнали, как
Тоской смертельной белый свет накатит
Безжалостно зажав меня в кулак.

И все, меня не ждите, в невозможном,
Обетованном, северном краю
Я собираю ягоду-морошку
И белую пургу боготворю.

Короткая весна в 4D
Не восполняет витамином Д
Холодный Арг. запить глинтвейном надо
и приближая ласточкин сезон
встать в центр снегопада на газон
но оказаться с краю снегопада

и стоя в луже gosse idiot
я знаю здесь последний снег умрет
и в ожиданьи трепетном простуда
еще немного я вернусь домой
вернусь домой не надо боже мой
не возвращайся
уезжай отсюда

Мне – спать по ночам.
Не кричать.
Тебе – следить за луной,
За мной.
...До окончания марта пройдет печаль,
И станет жизнь откровенной и молодой.

Смотри, смотри в законную мерзлоту –
Уже проталины к сердцу ведут пути.
Еще немного, в окне ты увидишь ту,
Что дышит в изморозь – слышишь? – «прости,
Прости!»

О, как тревожна упругая тишина,
Как в сорок первом, до лета, когда война.
Но эта – будет короче
Тишин прочих.

...Ведь я уже продышала свои слова.
Их ровно два.
Одинаковых.
Ровно два.

Это припадок, это болезнь такая-
Броситься в небо, не разбирая строп,
Перелетая, падая, пропадая...
Слишком жестоко! Отшельник и мизантроп –
Это душа моя. Нет, не душа, - железо!
Господи, этим ты мне выправляешь стать?
Будто плиту надгробную в спину врезал.
Слишком жестоко. С этим нельзя летать.

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Д.А. Филиппенко

Редколлегия альманаха:

С.В. Уланова

С.В. Логинов

О.А. Шмакович

Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко

Корректор: О.А. Шмакович

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.—

Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2016. 88 стр.

023

© Сборник литературных произведений, 2016

© Литературный альманах «Образ», 2016.

Подписано в печать 05.12.2015 г. Формат 60х80/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Times». Тираж 50 экз. Заказ № 2170.

Отпечатано в ООО «Офсет».

г. Кемерово, 650055, ул. Пролетарская, 9.

Тел. (3842) 34-96-41, тел./факс (3842) 34-90-69

50

50 руб. 2 цена
коп.

